

АКИЛИ

СТЕКЛЯННАЯ
ШЕСТЕРЁНКА

Акили

Стеклянная шестерёнка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69941032

SelfPub; 2023

Аннотация

Город Гласстон – колыбель паровых технологий. Все достижения прогресса начались отсюда, и город чествует великого изобретателя, который положил начало паровой эпохе во всей стране, – Грегора Вильямсона. И пока "отец прогресса" купается в лучах славы и готовится отмечать свой день, в городе проявляют себя разные личности. Одни не прочь сместить с пьедестала "отца прогресса". Другие хотят сблизиться с великим изобретателем и преследуют свои мотивы. Сцена готова, часы вот-вот заиграют мелодию, и все готовы к празднику, как в Гласстон неожиданно прибывает таинственный джентльмен. Станет ли он лишней шестерней в отлаженном механизме города? Чью сторону примет, когда события в городе разгонятся как паромобиль? И сколько секретов выйдет наружу?

Содержание

Глава 1. Человек с разными глазами	4
Глава 2. День прогресса	23
Глава 3. Гордость и любовь	38
Глава 4. Начало расследования	50
Глава 5. Передовица	61
Глава 6. Вердикт	75
Глава 7. Подпись	91
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Акили

Стеклянная шестерёнка

Глава 1. Человек с разными глазами

Над городом раздался громкий протяжный гудок и замолчал. Пара мгновений тишины, и со всех концов улицы раздалось шебуршение, шарканье, смачные сплёвывания и бормотание. Из ворот фабрик, как сквозь прорванную плотину, хлынула толпа рабочих и растеклась ручейками по ближайшим улочкам. Их силуэты быстро таяли в свинцово-серой темноте вечера.

Некоторые останавливались выкурить самокрутки. Огоньки вспыхивали, на миг освещая лица курильщиков, и гасли. Латунные зажигалки, свистнутые, вероятно, прямо с производства, передавались по рукам.

Долгий рабочий день кончился. Впереди короткий вечер дома и снова утренняя смена.

Джеймс шагал по тёмным улицам Гласстона, оттягивая подтяжки и притопывая в такт окружающим шорохам. Все его сослуживцы отправились по обыкновению по другой дороге, но у Джеймса сегодня иные планы. Когда он сказал,

что идёт домой, товарищи сильно удивились. Все знали, насколько сварливая у Джеймса жена. Её даже домовладелец побаивался, отчего можно было иногда и задержать арендную плату.

Сам Джеймс, чтобы лишний раз не встречаться с женой, изобрёл для себя ежедневный ритуал – каждый день допоздна выпивать с кем-нибудь из рабочих, тратя заработанные гроши на алкоголь и ставки в картах.

Но сегодня он предвкушал нечто большее, потому как направлялся не в обычную забегаловку, а в знаменитый паб «До капли», куда нищие работяги, вроде него, могли сходить разве что в день получки.

Джеймс оставил темноту улочек и вышел на широкий проспект. Вместо дымного и копчёного запаха фабричного района потянуло илом с реки. В привыкшие к серости и черноте глаза ударил яркий свет газовых фонарей. Кованые столбы гордо стояли вдоль всего проспекта, как молчаливые часовые, лоснясь на мокрой от недавнего дождя мостовой и отражаясь в стёклах зданий.

Шесть Центральных улиц проходили через Гласстон подобно трём парам рельс, а третью и четвёртую соединяли два каменных моста через реку. Поздно вечером дороги были почти пусты, но в разгар дня по этим «рельсам» бесконечно пыхтели паромобили. Реже здесь встречались конные экипажи и кэбы – их предпочитали разве что старомодные аристократы.

Переход через мост – и Джеймс уже на 3-улице. Заветный паб стоял в самом её конце, по великой удаче втиснутый среди фешенебельных гостиниц, ресторанов и дорогуших магазинов – деревянное строение с вытянутой крышей среди каменных и кирпичных гигантов.

Паб «До капли» был глотком свежего воздуха для простых работяг вроде Джеймса. Его вывеску с кружкой и падающей каплей знали все обитатели фабрик, ночлежек и доходных домов «выцветших обоев». Там часто играла музыка, а порой и какой-нибудь ярый активист взбирался на стул и во всю глотку орал о правах угнетённых рабочих. Остальные вторили ему «ура!», запрокидывали кружки, и на том дело заканчивалось.

Когда Джеймс открыл дверь, и набитый посетителями залдохнул на него шумом и жаром, он почувствовал себя дома. Кто бы мог подумать, что сегодня его пригласит выпить незнакомец. О работе на фабрике хочет поговорить. За информацию незнакомец обещал угостить.

«Ха! Да пусть хоть про нижнее бельё моей жены спрашивает за такой-то подарок!» – радовался Джеймс всю дорогу.

Он вошёл уверенной походкой, словно был здесь завсегда, и оглядел переполненный зал. За ближайшим столом матросы в тельняшках пытались друг друга перепить и громко рыгали после каждой кружки. Пьяные в хлам грузчики в фуфайках договаривали заплетающимися языками последние слухи. Степенный мужчина, который мог быть клерком

в какой-нибудь конторишке маленькими глотками попивал своё пиво в одиночестве.

Отовсюду веяло крепкой выпивкой, и одним своим запахом она вмиг бодрила и заставляла испытывать лёгкое головокружение. И хотя в «Капле» не было собственного парового отопления, жар этого места крепко согревал в холодные осенние вечера.

Но где же незнакомец? Джеймс успел испугаться, что его надули и бесплатной выпивки сегодня не случится, как за столиком у стены ему махнули.

Джеймс взгляделся и убедился, что это тот самый человек, который поймал его сегодня перед утренней сменой. Тот же твидовый пиджак с заплатками на локтях, штаны в тёмную клетку. На шее завязанный узлом платок, выполнявший роль то ли галстука, то ли тряпки, которой протирали окна машин. Тёмные сальные волосы и короткая вздёрнутая чёлка. На испачканном в копоты лице выделялись очки-гогглы.

«Водила», – подумал про себя Джеймс. Такие очки всегда надевают водители открытых паромобилей для защиты глаз от дыма, но эти машины уже лет десять не выпускают. В новом месте водителя закрыто той же кабиной со стеклом, что и пассажирские. Но, видимо, этот мужчина водил именно старый паромобиль.

Джеймс мысленно похвалил себя за точное наблюдение. Не зря его на фабрике кличут Сыщиком, ведь Джеймс всегда знает, где искать непонятно куда запропастившиеся ин-

струменты. По большей части он знал это потому, что сам забывал их там.

Он сел за столик, протянул незнакомцу руку и крепко пожал. Из ниоткуда тут же вынырнула официантка. Её здесь кликали «Мэгги».

– Что джентльмены будут заказывать? – Она всегда называла посетителей джентльменами. Местному сброду это льстило и вкупе с натренированной улыбкой давало официантке шанс на щедрые чаевые.

– Пива! Тёмного Рошедского! – тут же воскликнул Джеймс

– Джин с тоником, – негромко отозвался незнакомец.

Джеймс тут скривился.

– Ты что, баба – пить это? Давай чего покрепче, неразбавленного! А то тебя так ни один мужик на производстве уважать не станет!

– А ты что, всем растрезвонишь, что я пью?

Джеймс хотел ответить, но в этот момент вспомнил, за чей счёт банкет. А кто платит, тот и заказывает музыку.

– Да не, не бойсь. Нем как рыба. Хочешь пить эту дрянь, так пей!

– Вот спасибо, – криво усмехнулся незнакомец.

– Тебя звать-то как?

– Винс.

– Я Джеймс. Ещё Сыщиком кличут. Твоё здоровье.

Они оба запрокинули свои кружки и слизнули с губ же-

ланный напиток.

– Почему «Сыщиком»? – спросил Винс.

– Потому что я самый умный, – уверенно отозвался Джеймс. – Так что обратился ты к нужному человеку. Говоришь, на фабрику хочешь?

– Работа там есть?

– Работу там всегда найдут! А вот ищут ли новых работяг – не знаю. Но... – Джеймс назидательно поднял указательный палец, набивая себе и своему «банкету» цену, – в День прогресса готовятся открыть новый цех, так что, может, чего и сыщешь.

– Что за цех? – заинтересованно спросил Винс.

– Без понятия, друг. Туда пускали только инженеров. Но наверняка что-то грандиозное. Вильямсон на мелочёвку не разменивается. – Джеймс широко развёл руками, словно воочию демонстрировал размер замысла нового цеха – чуть пиво не выплеснул.

– Вильямсон – владелец фабрики?

– Не просто владелец! Один из «торговых принцев». Отец прогресса! Ты что, с луны свалился? Все механические штуки, какие ты видел в городе, он придумал! Паровой двигатель – тоже его! Всё по его чертежам делается. Некоторым уже с пару десятков лет, а до сих пор никто лучше не сделал.

– Прямо такой гений?

– Ну... так говорят, – пожал плечами Джеймс. – Смотри. – Джеймс достал из заднего кармана штанов перфокарту

с множеством дырочек. – Ума не приложу как, но на этой картонке написано моё имя. Все работяги, как приходят на смену, вставляют такие в машину. И машина считает, сколько часов ты отработал, пока карточку не заберёшь. И никак эту дрянную штуковину не обойти.

– Так не проще посадить человека, чтоб записывал, кто чего и когда? – удивился Винс.

– А вот Вильямсону не проще. Человеку-то платить надо, да и разве работяга не договорится с добрым человеком, чтоб пораньше слинять? С машиной так не потолкуешь. Так что этот Вильямсон – страшный скупердяй. Как разбогател на своих механизмах, так за лишнюю пенни удавится! Всех к ногтю прижал!

– Так работать у него не стоит? – уточнил Винс.

Джеймс задумался. Если он сейчас скажет «нет», то его новый друг уйдёт, и вечер угощений закончится. А значит, надо было продолжить тему, пока Мэгги несёт ещё пива.

– Может и, стоит, – Джеймс придвинулся к своему собеседнику поближе, словно хотел сообщить страшную тайну. – У нас на производстве призрак завёлся, и многие парни подумывают на другую фабрику переводиться. Поговаривают, что оплату поднимут. Чтоб производство совсем не опустело.

– Грохнули, что ли, кого на этом вашем производстве?

– Да не-е-е, – махнул рукой Джеймс. – У нас бывает, на кого-нибудь чего свалится, или в шестерёнках перемелет ру-

ку – случается. А тут сам главный инженер взял да по пьяни и свалился с верхних подмостков. Говорят, лицом вниз грохнулся и до того обезобразился, что в закрытом гробу хоронили. А ведь везунчиком считался. Вот и не упокоится никак от досады.

Джеймс окликнул официантку и заказал не что-нибудь, а виски. Он с осторожностью глянул на Винса, не запротестует ли тот, но его новый друг и бровью не повёл... так можно было бы сказать, если бы его брови не скрывались за большими очками.

– Почему он везунчик? – спросил Винс.

– Так женился на дочке самого Вильямсона! Недолгим оказался брак. Фортуна переменчива! Твоё здоровье, брат!

Джеймс с удовольствием опустошил стакан смакуя на губах последние капли. Наверное, окажись его собеседник бандитом, Джеймс за такое угощение всё равно считал бы его лучшим другом и самым замечательным человеком в мире.

В это время официантка оставила поднос и села за старенькое пианино. Музыкальные выступления привносили в этот паб атмосферу солидности, и местная публика чувствовала себя причастными к высокой культуре дорогих салонов и мужских клубов. Пианино страшно фальшивило. Очевидно, его никто не настраивал уже много лет. Но Мэгги вполне приноровилась извлекать из скрипучих клавиш осмысленные мелодии, да и местная публика не то чтобы разбиралась в музыке.

Голос у Мэгги тоже оказался скрипучий, как несмазанные петли, — под стать пианино, — но к нему быстро привыкали, и посетители всегда хлопали ей в благодарность за развлечение.

— «Человек с разными глазами»! — объявила Мэгги.

Все заинтересованно придвинулись: «Что-то новенькое».

Когда Мэгги начала петь, Винс прыснул в кулак. Что ж, и такие песни слушают. Если отбросить форму и исполнение, Мэгги повествовала в общем-то занимательную историю про частного детектива, чьей отличительной чертой были глаза разного цвета. Или он был юристом? Поди разбери. Слова в песне звучали настолько торжественно и вычурно, что слушателей вовсе не волновала суть исполняемых куплетов. Они пришли сюда выпить и насладиться музыкой — любовью.

Выйдя из паба, Джеймс чувствовал себя самым счастливым человеком на земле. Он распрощался со своим собеседником, выразив горячую надежду на новую встречу, и, покачиваясь, поплёлся к дому.

Прежде чем сойти с Центральной улицы в тёмный переулок, Джеймс в последний раз обернулся, чтобы махнуть рукой в знак закадычной дружбы, но Винс уже скрылся из виду. Внезапный порыв холодного ветра пробрал до костей. Это на миг отрезвило, и Джеймс подумал:

«Если он может столько потратить на выпивку, то зачем ему вообще работать на фабрике?»

«Сыщик» Джеймс икнул, пожал плечами и отправился назад в свою привычную жизнь.

Ветер подхватил сухой лист с дороги и погнал его дальше по блестящей поверхности одной из главных улиц Гласстона. Догнал неспешно едущий экипаж, пролетел меж копыт двойки лошадей, взметнул их гривы. Затем поспешил дальше, взметая лист над вечерним городом.

Ярче всего светились газовые лампы в каменных тучных домах на окраине Гласстона, куда почти не добирался смог промышленных районов. В длинной веренице скверов на Грин-стрит одинокие фонари золотили мокрые скамейки и колонны беседки. Ветер понёс свой лист туда. Мимо ресторанов и мужских клубов, театров и кабаре, магазинов и гостиниц. Обогнул музыкальную башню с часами, внутри которой заворочались шестерёнки. Молоточки пропели мелодию десяти часов, а латунные фигурки танцующей пары закружились под циферблатом.

Наконец ветер долетел до каменного с лепниной особняка, прошелестел через небольшой сад и аккуратно уложил свой лист на окно ярко освещённой гостиной с белыми диванами.

– Господа и дамы, в следующий раз собираемся у меня! – громко провозгласил Грегор Вильямсон, поднимая бокал виски.

Нарядные джентльмены и леди в знак солидарности тоже подняли свои. Яркий свет газовых ламп сиял на гранях хру-

стала, и здесь было тепло и светло, несмотря на стучащий в окно ветер.

Мистер Вильямсон имел выступающий живот и мясистое лицо с румяными скулами. Но оно вовсе не казалось отталкивающим, напротив, могло подойти любой роли. Если бы Вильямсон надел рубаху и кожаный фартук, никто бы не усомнился в том, что это лицо мясника. Надел бы картуз и взял в зубы самокрутку – все бы решили, что это бригадир на фабрике. Сейчас же мистер Вильямсон всем своим видом давал понять, что перед собеседником уважаемый джентльмен. Длинные бакенбарды ныряли к подбородку и соединялись с густыми седеющими усами, как это принято у людей богатых и знатных.

Какие бы возможности мистер Вильямсон ни имел в прошлом, он воспользовался ими сполна и занял то место, какое намеревался занимать до конца жизни и передать потомкам.

– Дорогой друг, неужели вы уже собрались нас покинуть? – удивилась пожилая графиня Мур – хозяйка особняка и сегодняшнего мероприятия. Она всегда включала Вильямсона в список гостей первым.

– Покинуть можно только этот мир, и то не наверняка. А мистер Вильямсон от нас никуда не денется, – рассмеялся в пышные усы Джордж Бонс.

– Ох, уж эти ваши шуточки, мистер Бонс, – снисходительно махнула веером графиня и сморщила напудренный нос.

Признаться, подобные шутки очень подходили Джорджу

Бонсу, который не только владел несколькими элитными пабами, но и возглавлял неформальное общество «Клуб притворений». Причём его члены придерживались двух противоположных мнений. Одна половина клуба и впрямь верила в сверхъестественное и приносила на собрания довольно интересные, а порой и абсурдные слухи о призраках. Другая утверждала, что всё это глупости, и занималась развенчиванием этих мифов. Успех попеременно сопутствовал то тем, то другим. А мистер Бонс с искренним удовольствием наблюдал за дискуссиями и пожинал плоды владельца популярного клуба.

Несколько раз он пытался затащить на свои собрания Вильямсона, но тот всегда находил повод тактично отказаться.

– Встречалась ли в вашем клубе какая занимательная история, мистер Бонс? Может, мистера Стонбая она заинтересует? – неожиданно заговорил о клубе сам Вильямсон.

Впрочем, всем было очевидно, что Вильямсон просто увивал от внимания. Стонбай так и кружил вокруг него, как пчела у цветка, и пытался выведать подробности грядущего Дня прогресса. И не он один. Но в отличие от остальных, чьё праздное любопытство Вильямсону льстило и доставляло истинное удовольствие, газетный магнат Чарльз Стонбай все истории тащил в свои передовицы. Нередко он и сам сочинял заголовки. И дети-продавцы во всё горло выкрикивали посреди улицы его слова. Стонбая это веселило и создавало впечатление, что он повсюду. Порой Стонбай да-

же обращался своими заголовками к конкретным людям – так, шутки ради.

– А разве все полосы Стонбая не заняты статьями о ваших изобретениях, Грегор? – хлопнул Вильямсона по плечу Саймон Милсворд.

Владелец транспортной компании Милсворд в прошлом мечтал о монополии на конные омнибусы, но дружба с Вильямсоном и его паровым двигателем открыла Милсворду двери, о которых тот и помышлять не мог. Стройный с на-масленными тёмными волосами, впалыми щеками и тонкими усами Милсворд разительно отличался от Грегора Вильямсона, но это не мешало им выглядеть закадычными друзьями.

– Господа... и дамы, – продолжил Вильямсон с интригующей улыбкой. – Я глубоко ценю ваш интерес к моему делу. Уверяю, День прогресса вас не разочарует.

«День прогресса...» – мечтательно подумал Вильямсон. День, когда с производства сошёл его первый паровой двигатель. Новая страница истории Гласстона началась с той минуты двадцать пять лет назад. Вильямсон тогда был молод, но чертежи, что он явил миру, поражали своей гениальностью. К тому же он оказался не только гениальным изобретателем, но и гениальным дельцом: сколотил на своих устройствах состояние, войдя в круг богатейших предпринимателей – «торговых принцев», что двигали руку прогресса. Некоторые даже замечали, что говорить о капитале Ви-

льямсон любит больше, чем об изобретениях и чертежах.

Вот и сейчас он увильнул от вопросов Стоنبая по поводу нового цеха.

– Но хоть намекните, мистер Вильямсон. Нам всем уже не терпится, – улыбнулась графиня Мур. Её подруги – кто постарше, кто помоложе – вторили ей кивками.

Предвкушая всеобщую реакцию в день праздника, Вильямсон невинно улыбнулся графине и снова сменил тему:

– Инес, дорогая, сыграй нам. Этой великолепной гостиной не хватает музыки.

Молодая женщина, которая до сей поры стояла в стороне, кивнула и села за рояль. С банкетки ниспали оборки широкого чёрного подола. Светлые волосы и фарфоровая кожа контрастировали с нарядом женщины, лишь подчёркивая аристократическую бледность. Хотя аристократкой по рождению Инес не была, но быть дочерью самого Вильямсона в современном Гласстоне тоже значило очень многое.

Запястья с агатовыми браслетами зависли над пианино, и вскоре гостиную наполнили умиротворяющая музыка и светские разговоры.

И тут в зале появился человек, который тотчас привлёк всеобщее внимание. Настолько, что все забыли даже о Вильямсоне и его Дне прогресса. Но удивило всех отнюдь не внезапное появление незнакомца – у графини Мур всегда многолюдно. Гостям бросилась в глаза внешность вошедшего.

Бледно-жёлтые длинные волосы, перевязанные сзади лентой, создавали впечатление, будто этот человек явился из прошлого века. Уже давно в моде у мужчин короткие аккуратные стрижки. Даже те, кто не мог позволить себе услуги цирюльника, отрезали длинные вихры кто чем горазд, но никогда не отращивали.

Этот господин явно был не из бедняков. Волосы хоть и не по моде, но опрятно уложены. Длинный подбородок гладко выбрит. Светлый фрак контрастировал с чёрными, коричневыми, зелёными и бордовыми у остальных гостей.

На носу чёрные круглые очки, что выглядело совсем уж странно в помещении. Но стоило этому господину подойти к громко обсуждавшей последние новости компании и тепло поприветствовать их, как секрет стал ясен... и разгадка поразила ещё больше.

За маленькими тёмными очками прятались совершенно невероятные глаза. Один насыщенно-серый как жидкая ртуть. Другой отливал при свете бледно-фиолетовым, словно чистейший аметист. Жители Гласстона, привыкшие к карим, янтарным или зеленоватым глазам, единодушно решили: иностранец. Эти разноцветные глаза тут же приковали всё внимание, хотел этого кто-то или нет.

– Гай Эдельгейт. Моё почтение леди и джентльмены, – представился иностранец с лёгкой улыбкой, за которой могло скрываться и великое добродушие, и великие махинации.

Он подошёл к графине Мур и учтиво поцеловал её ссох-

шуюся руку. Она на миг застыла в удивлении, а потом тут же расплылась в улыбке как радушная хозяйка.

– Очень рада, мистер Эдельхейт. Откуда же вы к нам приехали?

– Прямо сейчас из Даншира, мадам. До этого жил в Торндайке. Приехал в отпуск посмотреть на празднование знаменитого Дня прогресса.

– Ох, тогда позвольте представить вам героя этого дня – мистера Вильямсона. Это ему мы обязаны нынешним обликом города.

Мужчины с вежливыми улыбками пожали друг другу руки. Причём каждый с ног до головы оценил другого.

– Рад знакомству, сэр, – сказал Эдельхейт. – Наслышан о ваших изобретениях. Чего только стоит огромная башня с часами.

– О, это была безделушка для удовольствия. Кто же знал, что городской совет решит её воплотить, – рассмеялся Вильямсон. – Чем вы занимаетесь, мистер Эдельхейт?

– Официально я помогаю деловым людям решать их проблемы как юрист. В свободное же время люблю разгадывать загадки.

– Какого же рода загадки? – заинтересованно подалась вперёд одна из дам.

– Все, которые загадает мне жизнь, – ответил Эдельхейт и широко улыбнулся.

– Тогда как насчёт такой загадки? – перехватил разговор

другой джентльмен. – На фабрике по ночам кто-то шумит, но ничего не крадёт, воруют же средь бела дня в кабинете управляющего.

Все посмотрели на иностранного гостя, ожидая, что он скажет. Но Эдельгейт даже не задумался, а сходу выдал ответ.

– О, происшествие в Пентовере пять лет назад. Ловкий вор использовал автоматы, чтобы пугать сторожей и рабочих и обкрадывать хозяина фабрики.

– Вы и впрямь хороши в загадках! – поразился джентльмен.

– К счастью, эту мне довелось разгадывать лично. Редкий случай, когда соединились работа и увлечение.

– О, так вы – тот знаменитый детектив! – воскликнул мистер Стонбай. – Помнится, мы писали об этом происшествии на первой полосе. Мистер Бонс даже вынес эту историю на обсуждение в «Клубе привидений».

– Признаться, многие решили, что вор – призрак, – подхватил Бонс.

– Позвольте, но призраков не существует, – сдержанно ответил Эдельгейт. – Есть только игра воображения и чей-то умысел.

– Половина моего клуба с вами бы согласилась, а другая половина вступила бы в жаркую дискуссию, – рассмеялся Бонс.

– У мистера Вильямсона на фабрике тоже завелось при-

видение усопшего Брауна. До сих пор не можем понять, что случилось, – качнула головой графиня Мур.

Тут музыка внезапно стихла, и все вспомнили про бедную Инес Браун, усопшего мужа которой графиня только что так неосторожно помянула. Вильямсон посмотрел на пожилую хозяйку вечера с лёгким укором.

– Ох, простите меня, дорогая, – захлопала ресницами графиня. – Я была бестактна. Соболезную вашей потере.

Эдельгейт тоже обратил внимание на тихую женщину за пианино. Она лишь сдержанно поблагодарила мадам и продолжила играть. Миссис Браун выглядела как идеально скорбящая вдова – закрытое чёрное платье с высоким воротом, кудри туго затянуты в причёску, ни следа улыбки на лице. Хотя серые полосы на манжетах и тёмные украшения говорили, что её официальный траур близится к концу.

Что до личного траура... от Эдельгейта не ускользнуло, что Вильямсон и дочь встретились глазами, прежде чем она прервала разговор тишиной.

– Я беру на себя роль детектива, если того требуют работа юриста и моё любопытство. Но обычно я только консультирую и сюда приехал исключительно в развлекательных целях, – отметил Эдельгейт, давая понять всем и в первую очередь Вильямсону, что не собирается лезть ни в чьи дела и участвовать в сплетнях.

– Где вы остановились, сэр? – спросили его.

– На Оуксфорд-стрит. Я снял чердак у мистрис Палмер.

– Чердак? – удивились все, ведь фрак с иголки Эдельхейта недвусмысленно намекал, что деньги у него водились.

– Там спокойней, чем в гостинице, и отдельная лестница. Как и сказал, я приехал в отпуск.

«Чудак», – пронеслось у всех в голове, и разговор перешёл в мирное и спокойное русло с невинными шутками и обычными новостями из газет. Гений Вильямсона снова стал главной темой. Стонбай пытался разговорить его на сенсацию. Графиня Мур восхищалась его последним подарком – механической шкатулкой-головоломкой. А сам Вильямсон наслаждался плодами своего многолетнего труда, который ныне ставил его в ряд с богатейшими и влиятельнейшими людьми города.

Про Гая Эдельхейта ненадолго забыли, а когда вспомнили, то поняли, что он исчез. Так же внезапно, как и появился. С улицы слышались только цокот копыт и шум уезжающего экипажа.

Глава 2. День прогресса

Утренний Гласстон выглядел так, будто с него сдёрнули тёмную пелену и наполнили множеством красок. На западе богатый район отливал светлым камнем двух- и трёхэтажных особняков, мрамором статуй и зеленой парков. На его широкие проспекты заглядывало редкое солнце.

Трущобы на востоке походили на закопчённый отпечаток пальца на стекле. Вдоль узких грязных улочек скучились лачуги. Дымок от костров поднимался тонкими струйками в такое же серое небо. И ни одного светлого пятна.

Промышленный район пестрел кирпичом, железом и деревом, но все краски приглушал плотный дым из массивных труб. Над фабриками и заводами всегда парила чёрная вуаль сажи, скрывая их массивные здания.

На кирпичных стенах выделялись исполинские надписи вроде «Уоррис и сыновья», «Гремсон и партнёры», «Барбер и Ко» «Плавильни Адамса», «Хэслвуд Уголь», «Рошед Пиво», а то и просто «Вильямсон», «Милсворд», «Брэдшоу и Моутс» или «Додстон». Здесь могли не знать названия переулков – а мелкие улочки имён и вовсе не имели – зато всякий нашёл бы нужное место по огромным буквам на стенах или вывескам пабов на углу.

Но не это было отличительной чертой города.

Башня с музыкальными часами по-особенному «пропева-

ла» каждый новый час. На Центральных улицах сквозь решётки поднимался пар, обогревающий мостовую. На стоянке паромобилей сидел механический попугай и выкрикивал время. Перед входом в гостиницу автоматон галантно снимал шляпу. На витрине дорогого магазина с помощью труб и клапанов играло автоматическое пианино. По реке вместе с внушительными пароходами то и дело плавали заводные игрушечные кораблики, какими игрались дети. Передвижные тележки с имбирным пивом и кофе рассекали по тротуарам, скрывая за дверцей современное оборудование. А в центральном парке играл оркестр автоматов.

Всё это доказывало, что Гласстон шагнул в эпоху прогресса. Ни один другой город в стране, а может, и в мире не мог похвастаться такими технологиями. Сюда приезжали за паромобилями. Здесь находился причал первого в мире дирижабля. В театре ставили пьесы в духе «Влюблённый автоматон», читали лекции на тему вычислительных машин будущего.

И Гласстон знал, кому обязан своей нынешней славой. Имя гениального самородка-изобретателя Вильямсона всегда упоминали в День прогресса. А в этом году он произносил речь и презентовал новое изобретение.

Вильямсон выбрал для этого небольшую гостиницу на стыке промышленного и делового районов. Во-первых, её хозяин – большой поклонник гения Вильямсона. Почти на каждой стене гостиницы висели в рамках газетные статьи об

изобретениях. Во-вторых, через панорамное окно на последнем этаже хорошо просматривались огромная фабрика Вильямсона и новый цех, который успел заинтриговать всех в городе.

«Вильямсон готовит что-то грандиозное!» – обещали заголовки газет. Надо отдать должное Стонбаю – при всей его навязчивости он делал Вильямсону громкую славу вот уже больше двадцати лет. Правда соответствовать газетным обещаниям с каждым годом становилось всё труднее и труднее.

Грегор Вильямсон выглянул из-за занавески в зрительный зал. Видные господа города уже заняли места и ждали приветственного слова. Их шляпы-цилиндры напоминали заводские трубы. Были среди них старые знакомые: Милсворд, Стонбай, Бонс, Фаулер, Хэлсвут, даже директор местного театра Хадингтон. Также присутствовали другие солидные господа и капиталисты крупных компаний: от производителя мыла до импортёра чая. Вильямсон было забеспокоился, но тут же нашёл и членов парламента, и довольно потёр ладони.

Взгляд метнулся в сторону и внезапно встретился с другим. Разноцветные глаза заметили лёгкий шпионаж и внимательно смотрели в лицо Вильямсону. Вежливый обмен кивками, и Грегор скрылся за занавеской.

«Пришёл-таки», – заметил про себя Вильямсон.

Он хорошо разбирался в людях и умел распознавать таланты. Без этого Вильямсон не смог бы развивать свой биз-

нес, привлекать инвестиции, нанимать на фабрику талантливых инженеров, продвигать изобретения. За годы он познакомился со всеми видными и перспективными дельцами и аристократами города. Все они сейчас сидели в зрительном зале и ждали его речи. Некоторые из этих джентльменов уважали ум и деловую хватку Вильямсона. Другие завидовали. Третьи пытались использовать. Грегор прекрасно понимал их всех, ведь и он сам очень давно был таким же.

Вильямсон знал, как себя с ними вести и что говорить, чтобы произвести впечатление. Этот город стал для него отлаженным часовым механизмом... и сейчас в нём сидела лишняя пружина, которая могла непредсказуемо выстрелить.

Хозяин гостиницы взглянул на карманные часы и вышел на сцену.

– Господа, этот человек не нуждается в представлении. Вы знаете его как гения, Отца прогресса и праздника, что мы сейчас отмечаем. Но я всё же представлю: ми-и-исте-ер... Грегор Вильямсон!

Зал наполнился вежливыми аплодисментами.

Вильямсон важно вышел на середину сцены. Все зрители смотрели на него с подлинным интересом и предвкушением. Члены парламента ещё и оценивали. Журналисты подняли карандаши и блокноты. Вильямсон дождался, когда стихнут аплодисменты, прочистил горло и громко начал:

– Господа! Многие из вас застали то время, когда Гласстон

был лишь городком – остановкой на пути к большим свершениям. Многие приезжали сюда и так же быстро покидали нас, стремясь в более богатые и просвещённые города. А теперь посмотрите, – Вильямсон махнул на панорамное окно, и все машинально повернули головы на вид дымных труб вдалеке. – Теперь Гласстон – это желанный пункт назначения для всех людей страны. Это город богатств – островок цивилизации и прогресса. И таким его сделали мы с вами!

Зрители одобрительно закивали. Вильямсон прекрасно знал, что начало прогрессу положил его паровой двигатель. Но зависть этих джентльменов нужно держать на допустимой отметке манометра, чтобы давление не стало критическим.

– Когда-то я сидел за чертёжным столом, веря, что смогу изменить этот город, положить начало новой эпохе. Я начал с механических игрушек, и журналист одной газетёнки от скуки написал об этом заметку... – Вильямсон выдержал драматическую паузу. – Сейчас, если в утренней газете вы не увидите что-то про изобретения и меня, значит, мистер Стонбай скончался, – по залу прокатились смешки, и Вильямсон поспешил миролюбиво улыбнуться газетному магнату среди зрителей.

Стонбай пожал плечами и неестественно усмехнулся.

– Я работал ночами напролёт, ругаясь, что свеча слишком быстро тает. «Вот бы изобрести вечный свет», – подумал тогда я. Год спустя в своей тесной мастерской я уже смот-

рел, как в моих руках светилась синим обыкновенная трубка¹. Соседи решили, что я колдую, – рассмеялся Вильямсон, и зал ему вторил.

– Я хотел запатентовать чертежи своих первых механизмов и принёс их в маленькую нотариальную конторку. Как сейчас помню, Уолтер, ваш хозяин дымил как нынешние паровозы, – известный нотариус Уолтер Смит в приступе смеха хлопнул себя по колену, – Он назвал меня нелепым фантазёром и отказался марать бумагу и тратить чернила на ерунду... Сейчас я и сам не прочь подымить. Всё-таки паровозы изобрёл тоже я, – продолжал забавляться Вильямсон.

Он мельком глянул на членов парламента. Все они из старой знати, но в нынешний век древность их корней перестала иметь большое значение. Сейчас начинали править капиталисты, и не долог тот день, когда в сакральный парламент войдёт первый из них... и Вильямсон знал, кто это будет.

– Когда-то я принадлежал к обычному среднему классу. Мне хватало на жизнь, но я мечтал о великом. Я изобрёл великое, но требовались средства, чтобы это создать. Мистер Фаулер, сколько раз ваш банк посылал меня к чёрту?

Вильямсон усмехнулся, как и банкир Фаулер. Оба знали, что Грегор обратился в банк лишь раз – дал взятку. Фаулер взамен выбил для него ссуду на постройку первого парового двигателя и машину к нему. Но история для газет получи-

¹ Вильямсон говорит о газоразрядной лампе. Синее свечение получилось от заполненной газом трубки, которую возбуждали при помощи соленоида

лась красивей.

— Когда я показал прототип парового двигателя, мой при-
ватель Милсворд счёл меня сумасшедшим. — Саймон Милс-
сворд закатил глаза, вот и его очередь. — Однако он сел со
мною в странное устройство, чтобы испытать агрегат. Поис-
тине смелый поступок, я считаю. Не каждый решиться ис-
пытывать изобретения *сумасшедшего*. Сейчас все мы сидим
в таких устройствах и зовём их паромобилями.

Вильямсон снова сделал драматичную паузу как актёр,
безраздельно завладевший умами зала.

— Я хочу сказать, господа, что этот город создала смелость.
Не будь у человека отваги на невозможное, а порой и на аб-
сурднейшее, заваляйся подобные чертежи в пыльном столе
неуверенного в себе изобретателя, Гласстон не был бы сейчас
городом прогресса.

Да, это он, Вильямсон, сотворил Гласстон. Превратил за-
холустное поселение в прогрессивный город, тонущий ныне
в инвестициях и прибыли от туристов. Его, Вильямсона, бо-
гатство теперь превышает состояние любого из парламента-
риев. Он «торговый принц», и высший политический орган
страны вот-вот с поклоном распахнёт перед ним двери.

— Господа, — Вильямсон набрал воздуха для помпезного
финала речи. — Я имею смелость пригласить вас всех в мой
новый цех и...

Последние слова потонули в оглушительном взрыве. От
его эха задребезжали стёкла. Вдалеке на месте нового це-

ха Вильямсона поднялся дымный гриб и слился с общим смогом промышленного района. Оранжевое зарево охватило дымные облака, а с улицы тотчас послышались сирены пожарных машин.

Разноцветные глаза внимательно смотрели в окно.

* * *

Два дня спустя

– «Происшествие на фабрике Вильямсона»! «Чудом никто не пострадал»! «Ваши изобретения опасны, мистер Вильямсон?»

Мальчишки-газетчики выкрикивали заголовки на всех улицах. Чем сенсационней звучало, тем больше газет раскупали прохожие. Клаксоны паромобилей гудели зачитавшимся посреди дороги горожанам. Пассажиры в ожидании паробусов ныряли взглядами в раскрытые страницы. Во всех клубах и пабах шло бурное обсуждение последних новостей.

Вильямсон смял газету и швырнул её в пустой камин. С первой полосы вместо нового цеха на Грегора смотрело изображение развалин и насмехалось над ним. Рядом красовался его портрет, а также напечатанный текст речи вместе с завершением на «оглушительном взрыве, но вовсе не аплодисментов» и «мёртвой как на кладбище тишине» в конце.

– Чёртов Стонбай! – ругался Вильямсон на стены своего дома.

Он был уверен, что Стонбай не поленился лично придумать все заголовки. Мстит ему за холодность на приёме и

укол на церемонии.

– Получил-таки свою сенсацию! – снова воскликнул в сердцах Вильямсон.

– «Ваши изобретения опасны, мистер Вильямсон?» – донеслось с улицы, и Грегор сердито захлопнул оконную створку и сжал руки в кулаки.

Люди превозносили его, пока всё шло идеально, но одно происшествие, одна ошибка – и они готовы его растерзать как свора голодных собак. Причём капиталисты могли не уступать в этом жадным до сенсаций журналистам.

– Это не была ошибка, – бормотал Вильямсон. – Это не была ошибка.

– Отец.

Инес вошла в комнату в светлом домашнем платье и мягких туфлях. Её локоны были слегка влажными после утреннего обтирания. Маленькая белая ладонь накрыла кулак Вильямсона

– Отец, прошу вас. Поберегите своё здоровье.

– Это не ошибка! – продолжал распаляться Вильямсон с красным от гнева лицом. – Это саботаж!

– Отец, давайте дождёмся результатов расследования.

Вильямсон на это только вскинул руки.

– Толку от этих бобби²! Констебль мне прямо заявил, что

² Английских полисменов в XIX веке в простонародье называли «бобби» в честь прозвища Роберта Пила —министра внутренних дел Англии и создателя первых организованных полицейских сил в Лондоне

у меня взорвалось «что-то опасное»! Тупица! Что они понимают в технологиях? Там *не могло* ничего взорваться! Чертежи идеальны! Это подрыв! Саботаж!

Инес усадила отца на диван и разожгла камин – из той самой газеты. В доме было паровое отопление, но иногда Вильямсону доставляли радость напоминания о старых временах свечного света, тёплого очага и лошадиные экипажи. Но он никогда не признается в этом на публику. Перед людьми Вильямсон подтрунивал над «древними» аристократами и продвигал позиции капиталистов во всех сферах жизни. Он стал для людей воплощением прогресса и изо всех сил держал этот образ.

– Отец, тебе нельзя много волноваться. Ты уже не так молод, – напомнила Инес – мягко, как каждая приличная и заботливая дочь.

– Я перестану волноваться, когда наше наследие надёжно пустит корни в этом городе.

– Да куда уж надёжней. Стоит только в окно взглянуть, и всё напоминает о вас.

Вильямсон на это пренебрежительно махнул рукой:

– А, эти стервятники только и ждут моего промаха. Они ездят на моих паромобилях, читают при моём свете, греются от моих паровых котлов, сверяют время по часам из моих деталей, дарят детям мои механические игрушки, но мечтают столкнуть меня в бездну и самим занять пьедестал прогресса. Это был подрыв! – Вильямсон убеждённо ударил ку-

лаком по ладони.

– Если это было преступление, то его должны расследовать, – кивнула Инес.

– Бобби бесполезны. Они тупы как пробки от бутылок, когда дело касается технологий.

– Тогда обратитесь к тому, кто знает в них толк. Я слышала, мистер Эдельхейт...

– Что? Этот хлыщ?! Он смотрел на пожар в моём цехе как на красивый закат. Эти его дьявольские глаза...

– Отец, – терпеливо заметила Инес. – Я разузнала о нём. Он действительно известный детектив, хоть и не официально. Он раскрывал громкие дела, о нём писали в газетах. В Пентовере даже песню про него сложили. Вдруг он поможет?

– Где это ты всё разузнала? – нахмурился Вильямсон. – Ини, ни во что не вмешивайся. Твой долг – дать нашей семье наследника. Когда закончится твой траур, я найду тебе приличного мужа. А пока...

Вильямсон встал с шёлковых подушек и поправил накрахмаленный воротник рубашки. Он снова был тем джентльменом, которого привык видеть Гласстон – полным достоинства и уверенным в себе.

– Вот что мы сделаем. Этот Эдельхейт сам явится ко мне с просьбой расследовать дело. Раз у него такой аппетит на загадки, как он говорит, он не упустит своего. И когда он попросит, я скажу ему: «Отказываюсь!» Посмотрим, что он тогда сделает.

Вильямсон сбросил с себя домашний халат и засобирался.

— Отец, куда вы?

— Ловить двух зайцев одним капканом.

* * *

Гласстон пронёсился за окном паромобиля. Ритм его жизни бился подобно взволнованному сердцу. Любой, кто приезжал сюда, был вынужден ускорять ход: быстрее идти, быстрее оглядываться по сторонам, быстрее перебегать дорогу. Но для местных жителей такая суeta стала привычна, и они куда чаще иностранцев смотрели на часы.

Вильямсон заглянул в свои и постучал тростью по стеклу впереди. Водитель заворачивал рычагами и, замедляя ход, прижался к обочине. Затем поспешил выйти и открыть дверь пассажиру. Вильямсон вышел и поднял голову к массивному каменному зданию. Из приоткрытых окон слышался стук печатных станков и щёлканье перебираемых клавиш. Огромные буквы на фасаде гласили «Стонбай».

Когда-то эту фамилию можно было увидеть разве что в «подвале» мелкой газетёнки. Теперь её носитель заседал в богато обставленном кабинете за столом из чёрного дерева, а дым дорогих сигар витал в воздухе вместе с ароматом кофе.

Когда Грегор вошёл, Стонбай заседал на обычном месте и читал свой утренний «шедевр». Несмотря на беспокойную работу, годы пощадили Стонбая, и он сохранил юношеский пыл и журналистский нюх. Хотя, возможно, он черпал вдох-

новение в авантюристских романах, один из которых как раз лежал на столе с закладкой.

Стонбай одевался у лучших портных города и всегда по-особому пах. Производитель мыла уже несколько лет выпускал ограниченную партию товара, где каждое наименование имело уникальный аромат, стоило сумасшедших для мыла денег, но зато носило имя одного из «торговых принцев». Так любая собака издалека почует, что приближается важная шишка. И Стонбай неизменно пользовался своим «именным» мылом и пах кофейными зёрнами и виноградом. Для Вильямсона тоже выпустили «своё» мыло, но он предпочитал не замечать, что к нему таким образом нагло подмазываются.

Едва Вильямсон вошёл в редакторский кабинет, как Стонбай расплылся в улыбке.

– Мистер Вильямсон! Мой любимый инфоповод!

– Мистер Стонбай... Смотрю: цветёте и пахнете.

– А как же иначе? Тираж раскупили ещё до обеда, – Стонбай победно ухмыльнулся и откинулся на спинку кресла. – Чем громче новость, тем богаче я. И неважно, какой у неё оттенок.

– Вы наживаетесь на моей беде, сэр, – нахмурился Вильямсон, присаживаясь напротив собеседника.

– Что вы, друг мой. Здесь нет ничего личного. Я всегда писал о ваших делах беспристрастно. Весьма соблезную вашему происшествию.

У Стонбая не нашлось бы и унции соболезнавания. Он – делец до костей. Именно по этой причине они когда-то с Вильямсоном и сработались. И Грегор намеревался использовать эту черту Стонбая снова.

– Ваши статьи обычно хлёстки и метки, но в этот раз вы промахнулись, сэр, – перешёл в наступление Вильямсон и не без удовольствия заметил, как ухмылка сползает с лица Стонбая.

– О каком же промахе вы говорите, мистер Вильямсон?

– Вы взяли не то направление.

– А по-моему, очень даже то, – улыбнулся краем рта Стонбай, снова намекая на распроданный тираж.

– Нет, сэр. Я знаю, чего вы на самом деле хотите. И я дам вам это.

Газетный магнат сложил пальцы в замок и заинтересованно наклонился вперёд.

– Звучит интригующе. Кажется, подобное вы говорили и лет двадцать пять назад.

– И я оказался прав! Стонбай, вы можете неделю топтаться по моей репутации, но вряд ли ваш хороший улов продлится дольше. Вашим покупателям всегда нужны неожиданные повороты! Газета для них – всё равно что бульварная книжонка, от которой ждут захватывающего сюжета и развлечения, – Вильямсон кивнул на затёртую книгу на столе. – Я дам вам такой сюжет, и его хватит на целый роман.

Два дельца посмотрели друг другу в глаза и тут же нашли

там взаимопонимание. На следующий день на всех крупных улицах кричали новые газетные заголовки: «Таинственный саботаж! Изобретение Вильямсона, которое должно было означать для Гласстона новую эпоху...»

– «...уничтожено неизвестным. Кто же преступник? Полиция в замешательстве», – прочитал вслух Эдельхейт, сидя в парке. Затем усмехнулся и... не став дочитывать, перевернул газетную страницу на биржевые сводки.

Глава 3. Гордость и любовь

– И-и-и р-раз! Взяли, парни!

Несколько мужчин изо всех сил налегли на железную балку, и она, подобно рычагу, наконец приподняла тяжёлые завалы. Джеймс поспешил укрепить подпорки, чтобы эта громада разномастного хлама ни на кого не рухнула и в особенности на него самого.

– Опускай! – скомандовал он товарищам и тяжело упал на закопчённый пол, потирая потную шею. Работяги последовали его примеру.

– Этот Вильямсон нас совсем не жалеет, – сетовал один. – Нашёл грузчиков!

– Так ты и есть грузчик, Митти!

– Я ящики тягаю, а не металлолом разгребаю!

– Зато почти отрыли кабинет Вильямсона, – хлопнул товарища по плечу Джеймс. – Зря он его перенёс в новый цех.

Работяги не без злорадства загоготали, как вдруг на затылок Джеймса обрушилась свёрнутая в трубку газета.

– Или я оглох и не услышал гудок перерыва, или у нас тут незапланированное безделье! – вскинулся на них инженер Питтерс. – А ну подняли свои задницы и живо откапывать кабинет мистера Вильямсона!

– Тц, подхалим шефа, – пробурчал Джеймс.

– Наверное, тоже на его дочку зарится, – подмигнул Мит-

ти.

У Джеймса ломило руки, плечи и спину. Они уже третий день разбирали треклятые развалины нового цеха. Под руку попадались осколки стёкол с прозрачного купола наверху, почерневшие куски труб, запчастей и бесформенных деталей всех размеров. Джеймс понятия не имел, что тут могло быть, но изо всех сил надеялся, что оно не рванёт снова.

Стоило немного расчистить главное помещение, как сюда тут же сбежались инженеры и юристы и под ленивым взглядом констебля оценивали ущерб. Приезжал даже сам Вильямсон. Джеймс впервые видел его так близко. Тот прошёл мимо как хозяин жизни, хмуро посмотрел на бедлам и велел откапывать его новый кабинет в первую очередь.

– Ищите сейф. И обвались это всё вам на голову, если с ним что случится! – напутствовал Вильямсон в неожиданно мягко для себя манере.

– Сэр, взрыв произошёл у главного проекта. Это совсем рядом с вашим кабинетом. Ваш сейф могло задеть... – осторожно заметил инженер, но, взглянув на выражение лица Вильямсона, тут же исправился: – С другой стороны, это же сейф! Его содержимое наверняка в порядке.

Вместо того чтобы успокоиться, Вильямсон ткнул своей тростью в сторону Питтерса и проговорил сквозь зубы.

– У главного проекта должна была быть тишь да гладь, Питтерс. *Вы* отвечали за его сохранность!

Инженер побледнел так, словно вместо трости на него на-

ставили револьвер.

– Но с-сэр, вы приказали, чтобы здесь никого не было до официальной презентации...

– Констебль! – окликнул Вильямсон, и у Питтерса душа ушла в пятки, но Вильямсон лишь подозвал полисмена, чтобы узнать о ходе расследования. А затем обернулся на прощание к инженеру и добавил. – Сейф, Питтерс. Учтите: в нём ваше жалование.

С тех пор инженер не щадил работяг и гонял их как коз, пока не разгребут всё. И вот очертания бывшего кабинета уже начинали проступать. Джеймс нашёл обломки, которые когда-то были столом, а обуглившиеся корешки книг – рабочей библиотекой мистера Вильямсона. Ещё одно коллективное усилие – и Джеймс пролез дальше. Железные балки нависли над его головой устойчивым «домиком». Можно оглядеться.

Сейф лежал на боку под грудой подгоревших досок. Почерневший, открытый и пустой.

* * *

Улица Оуксфорд, несмотря на свою широту по меркам Гласстона, отнюдь не могла похвастаться яркостью Центральных улиц. Здесь не было ни фонарей, ни популярных заведений или магазинов, сюда не заглядывали колотильщики и не стучались в окна – здесь текла тихая и монотонная жизнь доходных домов и частных квартир среднего класса.

Впрочем, Гая устраивала такая тишина. Днём на его чер-

дак даже попадало немного света через круглое слуховое окно, которое старательная мистрис Палмер тщательно отскребла от копоти. Ведь чердак чердаком, а его снял столь почтительный джентльмен и даже заплатил больше запрошенного! Благодаря хлопотам мистрис, Гая всегда ожидал обед из тушёных овощей или суп – тщательно подогретый, если Эдельхейт задерживался. И за это он всегда отзывался о Палмер как о чудесной хозяйке.

Гай уже поднимался к себе по длинной скрипучей лестнице, как услышал за собой тяжёлые, чуть шаркающие шаги. Гай точно знал, кто это, ведь к остальным комнатам вели другие лестницы, и постояльцы пользовались ими.

– Мистер Эдельхейт, вам письмо от самого мистера Вильямсона, – учтиво и чуть с гордостью сказала миссис Палмер, словно подержать в руках письмо от такого человека уже было честью. – Похоже, мистер Вильямсон очень заинтересован в знакомстве с вами.

«Наверняка там лишь канцелярские слова от секретаря», – хмыкнул Гай.

– Если бы мистер Вильямсон был заинтересован, он бы пришёл лично. Правда, боюсь, в последнюю нашу встречу я задел его гордость, и теперь он мне не рад, – улыбнулся Гай, абсолютно не чувствуя за собой никакой вины. – Я ведь говорил всем, что я в отпуске.

Миссис Палмер покачала головой в накрахмаленном чепце:

– Мистер Эдельхейт, вы не здешний, но для любого жителя Гласстона внимание почтенного мистера Вильямсона – это честь. Не знаю уж, что он за человек, но не отвергайте такие знакомства.

– Я приму это к сведению. Большое спасибо за письмо, дорогая мистрис Палмер. Вы очень внимательны ко мне.

Гай учтиво склонил голову и улыбнулся, из-за чего щёки немолодой Палмер зарделись девичьим румянцем. Она коротко вздохнула и отправилась убираться на первый этаж.

Гай же остался в столь любимом им одиночестве. Он вертел письмо с такой улыбкой, словно кот игрался с мышью. На самом деле Гай был уверен, что Вильямсон его теперь ненавидит, но письмо, пусть и секретарское, говорило, как остро фабричный магнат нуждался в уме Эдельхейта.

Все эти дни со Дня прогресса Вильямсон и Эдельхейт вращались в одних кругах. Нарочито наблюдали друг за другом и оба делали вид, что совершенно друг в друге не заинтересованы. Человек, пострадавший от загадочного преступления, и юрист, любящий разгадывать загадки. Они бы сошлись без преград на общем деле, если бы не один момент – их гордость была непоколебима как мрамор.

Остальные члены высшего общества с любопытством наблюдали, чья же возьмёт. Никто ни минуты не сомневался, что сотрудничество этих двоих – решённое дело... но кто сделает шаг навстречу первым?

Вильямсон подошёл к Эдельхейту на очередном приёме у

графини, явно выжидая момент, чтобы разговор услышало как можно меньше ушей.

Гай уже знал о пропавшем содержимом сейфа. Об этом шептались все, а констебль лишь разводил руками. И это стало той смазкой, которая заставила заржавевшие от самомнения шестерёнки Вильямсона снова завертеться... хоть и со скрипом:

– Сэр, помнится, вы говорили, что любите загадки! Слышали об одной, что произошла на моём производстве? Полагаю, вам не составит труда распутать и её. Почему бы не устроить маленькое соревнование с полицией? Развеять скуку, так сказать.

Вильямсон говорил нарочито беспечно, словно произошедшее для него ничего не значило. Но даже недалёкие люди, вроде графини Мур, догадались, каким ударом стали для Вильямсона события... и как он старался это скрыть.

Гай улыбнулся ему своей самой очаровательной улыбкой, от которой вздыхали женщины и приходили в бешенство мужчины, и сказал всего одно слово:

– Отказываюсь.

Удивление на лице Вильямсона тут же сменилось сдерживаемой яростью. Он-то рассчитывал, что Эдельгейт с радостью бросится в погоню за тайной, как собака за костью. «Найдёт виновного – хорошо. Не найдёт – сам себя в грязь окунёт», – так и читалось у Вильямсона на лбу, когда он ожидал ответ.

«Торговый принц» слишком горд, чтобы открыто просить о помощи и прикрывался скукой. Ему же хуже. Не получает помощь тот, кто её не просит.

Не успел Гай дочитать дежурное письмо секретаря, как на лестнице снова раздали шаги двух человек. В одних Гай узнал тяжёлую походку миссис Палмер, вторые же...

– Мистер Эдельгейт, к вам пришли. Миссис Браун просит принять её.

Инес Браун имела ту уверенную осанку, которая явно говорила: эта женщина знает цену своему высокому положению. Но при этом у неё было меланхоличное выражение лица, которое всецело отвечало принятому образу хрупких созданий.

Она оделась в тёмно-серое, почти чёрное в светлую полоску платье, а миниатюрная шляпка с полупрозрачной вуалью слегка спускалась на лоб по последней моде. От волос и шеи исходил аромат фиалкового мыла.

– Мистрис Браун, моё почтение. Удивлён вашим визитом.

– Прошу меня простить за то, что не предупредила о нём ранее. Я помешала?

– Отнюдь. Но боюсь, чердак не самое подходящее место для воспитанной леди. Мы можем спуститься в чайную гостиную и отведать изумительных пирожных мистрис Палмер.

Хозяйка тут же засуетилась:

– Да, я сейчас же подам чай.

– О, нет. Не беспокойтесь, мадам, – Инес подняла ладонь в полупрозрачной кружевной перчатке. – Я совсем ненадолго и не задержу мистера Эдельгейта.

Палмер сделала ещё несколько милых попыток задержать дочь «самого Вильямсона» в своём доме, но всё же после нарочито вежливых отказов сдалась и спустилась вниз. И только достойное воспитание не позволило мадам остановиться у основания лестницы и послушать беседу. Искушение наверняка было велико.

Молодая миссис Браун дождалась, когда внизу стихнут шаги хозяйки, и прямо посмотрела в разноцветные глаза Эдельгейта.

– Если вы ждали визита моего отца, мистер Эдельгейт, то он очень занят. На него многое навалилось, а вы даже не захотели ему помочь. Разве так подобает себя вести благородному джентльмену, коим вы, без сомнения, являетесь?

Гай неожиданно рассмеялся, и на лице Инес проступило сначала замешательство, потом обида.

– Прошу прощения, леди. Вырвалось. Вы явно не искушены в интригах – выдавать столь неумелую словесную манипуляцию.

– Прошу прощения? – Инес на миг прикрыла глаза и тут же взяла себя в руки. – Я хотела сказать, что мой отец – честный и умелый во многих делах человек, но не всемогущий. Ему нужна помощь. Почему вы отказали?

– Разве честный человек станет отправлять к мужчине

свою дочь, рискуя её репутацией?

– Я здесь не по воле отца, а по своей собственной. Более того, в моём визите нет ничего предосудительного. Я поставила в известность управляющего и вашу хозяйку о разговоре с вами. Водитель ждёт меня снаружи. Разве моей репутации что-то угрожает, *мистер Эдельхейт*?

– Вы образец любящей дочери, мистрис Браун. Наверное, были и образцом любящей жены?

– О, я понимаю, к чему вы клоните, – нахмурилась Инес Браун. – Наслушались слухов о смерти моего мужа. *Это* вас интересует больше дел живых, не так ли?

– Если вы настаиваете на *таком* ответе... – уклончиво отвёл взгляд Гай.

– С моим мужем случилась трагическая случайность.

– Скорее подозрительная случайность.

– На что вы намекаете, мистер Эдельхейт? – уже не сдерживая негодования, сказала Инес.

Гай глянул в её сторону и усмехнулся:

– Мне часто задают этот вопрос именно с таким выражением лица. Прошу прощения, мистрис Браун. Я привык иметь дело с людьми, которые лгут мне и прячут в своих шкафах по меньшей мере с дюжину скелетов.

– Я вам не лгу. И если вам необходимо это знать, чтобы рассеять ваши... подозрения, то уверяю вас, это действительно была случайность. Мой муж любил выпить. Это всем известно.

При этих словах Инес красноречиво сморщила нос, выдавая явную брезгливость.

— А я уж думал, у вас там история запретной любви к человеку не вашего положения, достойная женских бульварных романов, — снова усмехнулся Гай.

— Вы бестактны.

— Чувство такта ещё ни разу не помогало мне добиться правды.

— Здесь нет никаких тайн, которые вы так любите разгадывать. Этот брак устроил мой отец, — сдержанно ответила Инес.

— Что удивляет ещё больше. В духе вашего отца отдать вас в семью аристократов или хотя бы богатых промышленников.

— Всё дело в фабрике, мистер Эдельгейт. Я единственная наследница отца, и он хочет быть уверен, что даже после его смерти на фабрике останется фамилия «Вильямсон». Это было основным условием брачного контракта. Фабрика не досталась бы моему мужу, она должна была перейти к моему будущему сыну, который будет носить фамилию Вильямсон. Этих сведений хватит, чтобы вы перестали повторять оскорбительные нелепицы, какие ходят среди чернорабочих в перекурах?

Улыбка Гая изменилась с насмешливой на более добродушную.

— Вы со мной поразительно откровенны, мистрис Браун.

– Потому что прошу вашей помощи для отца. Тайны не помогут решить его проблему. Эта фабрика – для него всё. Что мне сделать, чтобы вас нанять?

– Ваш платок.

– Простите?

– Позвольте ваш кружевной платок, и считайте, что мы договорились.

* * *

Винс торопливо шёл по ночному Гласстону, закутавшись в мешковатую курту с поднятым воротником. Фонарные огни Центральной улицы сияли ярко и разгоняли тени. Но темнота всегда была Винсу другом... как и задние двери. В темноте творились тайны, и задние двери становились их проводником.

Пара тонких проволок, и механизм щёлкнул. Но Винс не распахнул дверь. Он внимательно осмотрел замок и, подумав, оставил у замочной скважины пару царапин. «Нужно исполнять как следует», – подумал он и спустился внутрь в подвальное помещение.

Огромные печатные станки встретили его спящей тишиной. На них закончили печатать свежий тираж всего пару часов назад, и ранним утром сюда слетятся стайки мальчишек-продавцов, чтобы взять по пачке газет.

Нужно торопиться.

Винс щёлкнул выключателем, и типографская мастерская приобрела приветливый вид. Исчезли зловещие тени машин.

Еще одно движение – и запыхтел паровой двигатель, оживляя оборудование. Винс сел перед прибором, похожим на печатную машинку, и принялся за дело. Текст уже был у него на руках и быстро приобретал объём в оттисках.

Ещё один рычаг, и ротационный пресс заворочался под действием пара. С шумом завертелись колёса и валики. Печатные формы легли во внешний цилиндр и прокатились по чернильным брускам. Рулон бумаги медленно завертелся, разматывая её под прессом.

Когда со станка сошёл первый пахнущий краской номер газеты, Винс удовлетворённо хмыкнул. Завтра будет интересно.

Глава 4. Начало расследования

Утро Вильямсона началось с гостей. Джордж Бонс – владелец нескольких элитных пабов и нашумевшего в светском обществе «Клуба привидений» – с радостью принял приглашение вместе позавтракать и обсудить новости Гласстона, а потому ровно в восемь часов утра уже сидел за накрытым столом в доме Вильямсона.

Грегор выбрал именно Бонса, потому что большую часть времени тот всегда говорил о себе и своем клубе, не интересуясь делами собеседника. Прекрасный спутник, когда нужно поддерживать светские встречи, не боясь затронуть в разговоре нежелательные темы. И всё же взрыв нового цеха был настолько громкой новостью, что даже Бонс не преминул его припомнить:

– Не поверите, мистер Вильямсон, но в моём клубе уверены, что тут не обошлось без нечистой силы, – говорил он, энергично жестикулируя с вилкой в руке. – Посудите сами, в здании никого не было, но кто-то же должен был поджечь фитиль. Полиция не нашла никаких улик, но ведь люди оставляют улики, если только они не призраки. Я, право, не вижу другого объяснения!

– Я считаю, что члены вашего клуба говорят глупости, мистер Бонс. Все преступники более чем материальны и скоро отправятся под суд, – скучающе ответил Вильямсон.

– К слову о суде. По пути к вам я встретил мистера Смита. Ваш нотариус был чем-то расстроен и даже зол! Надеюсь, в ваших делах всё благополучно, мистер Вильямсон?

Хозяин дома только отмахнулся:

– Мистер Смит недоволен, что его иск от моего имени остался невостребованным. Мы со Стонбаем прекрасно уладили все дела миром, Уолтер Смит же, как известно, любит войну.

– Да, он большой игрок и не любит тратить усилия зря! Признаться, я нахожу эту его черту интересной.

Восклицание Бонса прервало вежливое покашливание вошедшего слуги:

– Сэр, к вам гость.

Бонс обрадовался и заинтересованно заглянул в дверной проём. Хозяин дома же уставился на слугу в замешательстве. Разве Вильямсон звал ещё кого-то? Или Смит решил вернуться и в очередной раз высказать своё пустое недовольство? И тут Вильямсон понял – лишь за миг до того, как «гость» появился перед ним, не дожидаясь приглашения войти.

Эдельгейт, этот напыщенный индюк, стоял на пороге столовой Вильямсона в светлом старомодном костюме и широко улыбался. Вильямсон был уверен, что тот не придёт, а потому пригласил на это же время и мистера Бонса. Письмо секретаря было чистой формальностью, после которой весь свет Гласстона узнал бы, насколько некультурен человек по

имени Гай Эдельхейт. Узнал бы от мистера Бонса, разумеется.

Но всё же Эдельхейт пришёл и как ни в чём не бывало пожелал господам доброго утра. Вильямсону как радушному хозяину пришлось пригласить гостя присоединиться к завтраку двух господ.

Эдельхейт ел до раздражения медленно и степенно. Долго нарезал жареный бекон, выкладывал на тарталетку икру. Поддевал ломтики омлета с сыром. Отламывал вилкой крошечные кусочки лимонного пирога и пил чай, оттопырив мизинец. Бонс всё это время не переставал громко разговаривать, но Вильямсон уже не слушал его. Всё его внимание и раздражение было сосредоточено на другом человеке.

Когда гость соизволил закончить трапезу, Вильямсон, ценивший своё время, наконец спросил:

– Надеюсь, вам всё понравилось, мистер Эдельхейт. Простите мою поспешность, но меня ожидают дела на фабрике.

– На её уцелевшей части, я полагаю?

«Вот нахал».

– Кхем, верно. Поэтому позвольте сразу перейти к делу. Смею ли я надеяться, что вы подумали над моим предложением?

– Я не думал, – легкомысленно ответил Эдельхейт, и Вильямсон чуть не скрипнул зубами от злости. – Я согласен.

Грегор на миг потерял дар речи, а Бонс тут же подхватил разговор:

– Это же замечательно! Гласстон увидит в действии знаменитого детектива! Обязательно приходите в наш «Клуб» поделиться своими находками.

Вильямсон не знал, радоваться ему или плакать. С одной стороны, его проблема только что получила больше шансов на решение. С другой стороны, придётся терпеть общество нахального детектива, юриста или как он там себя называет.

– Рад, что вы передумали, сэр, – учтиво ответил Грегор.

– Я не передумывал, у меня по-прежнему отпуск... но я займусь вашей проблемой в свободное время.

Вильямсон был готов вскипеть от негодования. В этом городе он главное действующее лицо, один из «торговых принцев», Отец Прогресса, архитектор будущего, человек, чьего внимания всегда ищут самые влиятельные сливки общества, а этот высокомерный хлыщ позволил себе тогда прилюдно и так нагло ему отказать, а теперь строит из себя занятого.

– Буду признателен, мистер Эдельгейт, и непременно вас отблагодарю, – улыбнулся Вильямсон, хотя его глаз в тот момент едва не дёргался.

– О, не стоит. Ваша дочь и так была весьма убедительна и благодарна, – невинно улыбнулся Гай, вытирая рот кружевной салфеткой.

При упоминании об Инес Вильямсон уже неприкрыто нахмурился.

– На что вы намекаете, сэр? – угрожающе спросил он.

– Ровно на то, что сказал. А вы о чём подумали, господа?

Гай улыбался так добродушно и в то же время самодовольно, что Вильямсону хотелось отодрать трубу от стены и огреть его по довольной физиономии. В конце концов, любые вопросы, касающиеся репутации имени Вильямсон, Грегор воспринимал очень остро. Его кулак так опустил на стол, что вилки с ножами жалобно звякнули.

– Вы наглец, сэр!

– А кто вам важнее: умелый наглец или вежливый неумеха? – не растерялся детектив.

Бонс смущённо кашлянул. Грегор понял, что позволил себе лишнее при свидетелях, потому заставил себя снова улыбнуться в ответ и даже пожать Эдельхейту руку.

– Ох, видимо я вас не так понял. Я рад, что вы согласны. Уладим формальности и приступайте к работе как можно скорее.

Вильямсон с силой сжал ладонь в белой перчатке. Гай не повёл и бровью. Вильямсону нужны его таланты.

После этого Бонс снова завёл шарманку про свой «Клуб привидений», и разговор перешёл в мирное русло.

* * *

Несмотря на то, что рабочие успели убрать завалы, сгоревший цех представлял собой жалкое зрелище. Его готовили для шумного открытия, но он только шумно развалился. Уцелевшие стены почернели, повсюду валялись обгоревшие доски. Железные погнутые балки торчали подобно сломанным костям, а провода болтались как порванные сухожилия.

В куполообразной крыше огромная дыра, а прямо под ней на Эдельхейта смотрело чудовище из разноцветных металлов, разорванное на куски.

«Мёртвое чудовище, как ни погляди», – заметил про себя Гай.

– Над чем именно вы здесь работали? – спросил он Вильямсона, который внимательно следил за всем, к чему прикасался назначенный детектив, словно тот был потенциальным вором.

– Это тайна производства, сэр, – деловито ответил хозяин фабрики.

– Вы собирались показать эту «тайну» всему высшему свету. К тому же её больше нет. Какой смысл охранять обломки?

Эдельхейт указал тростью на безобразную гору металла, в которой едва угадывались прежние очертания труб, колёс и котлов.

– Это... поезд, сэр, – с осторожностью ответил Вильямсон.

– Всего-то? – небрежно усмехнулся Эдельхейт.

Вильямсон чуть не скрипнул зубами от злости, но сдержался и с достоинством произнёс:

– Это не *обычный* поезд, сэр. Я разрабатывал его для поездов по подземным тоннелям! Передовая технология будущего!

– Подземный поезд... – задумался Эдельхейт, – боже ж

ты мой.

По этому комментарию Вильямсон не понял, смеются ли над ним, или детектив и впрямь оценил.

– Что ж, полагаю, будущее можно дорого продать, если удастся унести. Вы говорили про сейф, мистер Вильямсон?

– Забудьте про сейф. Найдите того, кто взорвал мой поезд! Это он был целью.

– А в сейфе хранились чертежи вашего подземного поезда?

– И многое другое, сэр.

Эдельхейт перешагнул через порог несостоявшегося кабинета Вильямсона и заглянул за угол.

– Например?

– Например, целое состояние!

– Оно стоит дороже технологии будущего?

Вильямсон внутренне закатил глаза. Полиция спрашивала о том же самом. Констебли ведь тоже не дураки.

– Я понимаю, куда вы клоните, мистер Эдельхейт, но исключено, чтобы вор мог вернуться сюда после взрыва и опустошить сейф. Здесь повсюду были обломки, вор не смог бы их преодолеть. Целью определённо был поезд. А даже если и сейф, – Вильямсон назидательно поднял большой палец, – воров интересуют деньги, а не чертежи, если только он не полный кретин – украсть то, чего не понимает. Эти чертежи рисовал я. В сейфе был лишь дубликат, но даже так никто, кроме меня, не смог бы в нём разобраться!

– Совсем никто?

– Мой покойный зять кое-что мог, но не всё. Однако он... сами понимаете. Так что, если вы не собираетесь, как мистер Бонс, рассказывать мне сказки про привидения, поищите другую версию.

– Стало быть, деньги?

– Деньги – лишь сопутствующий ущерб. Вор взорвал мой поезд! Найдите того, кто устроил саботаж!

– Однако вы зовёте преступника вором, а не диверсантом или подрывником, – заметил Эдельгейт.

Вильямсон явно не был впечатлён мыслительными способностями детектива и злился, но Эдельгейта это не волновало. Полный кретин вор или нет, но даже непонятные чертежи можно продать, скажем, заграничным покупателям. Тогда объясняется взрыв поезда – уже готового воплощения начертанной технологии. Нет воплощения – можно заявить, что твоё было первым.

Но всё же имелось в этой версии одно обстоятельство, которое подтверждало версию Вильямсона. День прогресса. Вор выбрал для диверсии и кражи именно день великого триумфа Вильямсона и превратил в День его великого провала. Громко и напоказ. А значит, мотивом могла быть не сама кража, а нечто более личное.

Эдельгейт склонился над пустым сейфом. Железная коробка имела множество сточенных сварных швов. На обратной стороне дверцы остались две шестерни, остальные выле-

тели. Такая конструкция, может и, выглядела солидно и отвечала моде прогресса, но на практике делала сейф слабым и уступала по надёжности старым образцам.

«Ещё один памятник собственному тщеславию», – подумал Эдельгейт.

Однако внутри сейфа оказалось довольно чисто. Пострадала лишь дверца. А значит, содержимое точно оставалось в порядке, когда сейф открыли.

– Ваш *вор* – определённо опытный взрывотехник. Сначала он вскрыл маленьким взрывом сейф и забрал всё оттуда

– Хотите сказать, что сейф вскрыли отдельно и до того? Его раскурочило не взрывом от поезда?

– Верно. Хотя и очень старались всё представить так, словно его «раскурочило», а содержимое сгорело.

– Как это возможно?! – воскликнул Вильямсон.

– Полагаю, пироглицерин.

– Что-что?

– Он же нитроглицерин. Через шприц его можно ввести в замочную скважину, а потом подвести провод, и бах – сейф открыт. После того, как вор всё забрал, он заложил динамит и подорвал ваш поезд.

– Вы настаиваете, что целью был не поезд, а сейф?

– Целей могло быть больше одной.

Вильямсон серьёзно задумался. Эдельгейт мог бы поклясться, что у Вильямсона под шляпой зашевелились волосы. Участь уничтоженного содержимого пугала Вильямсона

не так сильно, как содержимого украденного.

Словом «вор» Вильямсон явно говорил, что его обокрали, но настаивает на саботаже как личном оскорблении. Однако магнат-изобретатель, этот «торговый принц» наступил на горло своей гордости и обратился к Эдельхейту только несколько дней спустя, когда обнаружилась пропажа из сейфа.

Детектив проницательно взглянул на хозяина фабрики.

– Мистер Вильямсон, если бы вы могли вернуть одну из пропавших вещей, что бы вы выбрали: поезд, деньги или чертежи?

– Чертежи... – неохотно признал Вильямсон. Пропавшие чертежи ему дороже всех построенных поездов. И этот детектив слишком быстро это понял.

Эдельхейт хотел что-то сказать, но его вопрос прервал протяжный гудок с другого конца фабрики. А потом у самых ворот послышался звонкий голос мальчишки-газетчика:

– Срочная новость! Взрыв цеха Вильямсона был прикрытием! Пропала огромная сумма денег! Вильямсону нечем заплатить рабочим! Акции его компании упали на несколько пунктов! Вильямсон на грани разорения! Неужели это конец торговой империи «принца» и отца прогресса?

Лицо Вильямсона внезапно стало пунцовым, руки сжались в кулаки. Он выскочил вон, едва не перейдя на бег. Выхватил у мальчика газету и, не обернувшись, запрыгнул через открытую дверцу в паромобиль.

Эдельгейт успел увидеть, как взвизгнула и резко тронулась с места машина, оставив на брусчатке след от колёс. Вильямсон умчался прочь, совершенно забыв о своём намерении приглядывать за детективом. Гай проводил удаляющийся паромобиль проницательным взглядом, а затем заплатил мальчику за газету.

Глава 5. Передовица

В редакцию Чарльза Стонбая влетела буря по имени Грегор Вильямсон. Он вышибал двери и размахивал тростью так, что все окружающие разбежались, опасаясь получить набалдашником. Машинистки поднимали головы от печатных машинок и удивлённо смотрели вслед. В конце концов «буря» дошла и до двери главного редактора. Вильямсон распахнул её с такой силой, что дверь едва не слетела с петель.

– Стонбай, мерзавец! – взревел Вильямсон, и Стонбай подпрыгнул от неожиданности.

– Мистер Вильямсон, как это понимать? – возрился газетный магнат со смесью удивления и страха.

– Это как *вас* понимать, мистер Стонбай! Что за пасквили вы тут пишете?!

Вильямсон бросил на стол газету, и редактор внимательно на неё посмотрел.

– Что это такое, мистер Вильямсон? Это не наша газета.

– Хотите сказать на ней не написано ваше чёртовое название?

Стонбай пролистал газету от и до и упёр ладони в стол.

– Название наше, даже материалы наши, но не первая полоса. Я такого не писал!

– Да ну? Разве новости о моём якобы банкротстве не поддали огоньку вашей скучной писанине?

– Мистер Вильямсон, – вздохнул Стонбай. – Вы забываете, что газета призвана сообщать правду. Мои люди всегда проверяют новости. А такую, – он кивнул на первую полосу, – я бы проверил лично.

– Не строите из себя овечку, Стонбай! Уж я-то лучше всех знаю, что вы сообщаете только *выгодную* вам правду.

– А вы, мистер Вильямсон, нет? – глаза Стонбая угрожающе сверкнули. – Вы запомнили, с чем пришли ко мне тогда – в первый раз?

Разговор прервало тактичное покашливание. Гай Эдельхейт стоял на пороге кабинета с той самой газетой в руках. Дверь всё это время оставалась открытой, и вся редакция слышала ссору и переглядывалась.

– Господа, позвольте поучаствовать в вашем споре, – улыбнулся детектив.

– Валяйте, Эдельхейт, – махнул тростью Вильямсон и пояснил удивлённому Стонбаю: Этот детектив теперь работает на меня.

Эдельхейт не стал комментировать столь громкое и собственническое заявление своего нанимателя (в конце концов, Гай нанялся лишь проконсультировать). Он прошёл вперёд, бросил взгляд на книжный стеллаж и книгу на столе, затем обратился к Стонбаю:

– Какая типография в городе могла бы напечатать фальшивую полосу?

– Любая.

– Он все их купил, – пояснил Вильямсон.

– Да, они все выпускают мой «Вестник». Но у меня сотни работников, Вильямсон. Кто-то мог и пошутить так! – всплеснул руками Стонбай.

– «Пошутить»? По-вашему это шутка?!

– Мистер Вильямсон, прошу вас, – примирительно сказал Эдельгейт. – Насколько я знаю, у каждой типографии есть уникальный оттиск. Вы смогли бы узнать, какая типография напечатала этот номер?

Стонбай оживился. Как он мог забыть! Когда он скупил все типографии, у них оставались уникальные оттиски, которые впоследствии облегчали сортировку печатной продукции. И теперь возможность переложить ответственность на мелкое подразделение крайне воодушевила Стонбая. Можно устроить показательный редакционный суд, с позором уволить всех виновников – так сказать, пожертвовать малым, чтобы сохранить большее.

Но когда Стонбай под лупой рассмотрел рисунок на первой полосе фальшивки, то тут же изменился в лице.

– Этот... этот номер напечатали здесь. Прямо под нами...

Работающие печатные станки громко щёлкали всю смену. Работникам иногда приходилось перекрикиваться, чтобы услышать друг друга. Эдельгейт и Вильямсон спустились в типографское подвальное помещение. Тусклый дневной свет проникал сюда только через маленькие окошки под по-

толком, и тут всегда горели газовые лампы.

Стонбай горячо убеждал, что сюда проник вор и воспользовался одним из станков. По-другому объяснить, как по городу гуляют газеты с двумя первыми полосами, он не мог. И в знак доброй воли предложил Вильямсону и детективу самим осмотреть «место преступления».

За станками работали трое мужчин и две женщины. Эдельгейт подошёл к самой непривлекательной и галантно поцеловал ей руку.

– Леди, позвольте отвлечь вас на минутку? Мне отчаянно нужна помощь такой умной и обаятельной женщины как вы.

Взгляд его разноцветных глаз гипнотизировал как змеиный, и женщина зарделась смущённым румянцем, на краткий миг почувствовав себя королевой. В ту минуту она готова была оказать Эдельгейту любую помощь.

«Вот ведь дамский угодник, – проворчал про себя Вильямсон. – Если он такое проделал и с Инес... Уж я ей устрою за самовольные визиты за моей спиной».

– Леди, я уверен, что вы очень внимательны и ответственны в своей работе. Скажите, всё ли было в порядке утром с оборудованием.

– Сейчас, когда вы сказали... оттиски кто-то брал. Они лежали не на месте.

– Вы уверены?

– Абсолютно уверена, сэр!

– Кто пользовался ими последним?

– Я и пользовалась. Я ушла последней и заперла дверь, – в доказательство своей правоты женщина показала ключ.

Эдельгейт его осмотрел и вернул. Затем заверил женщину, что она чрезвычайно помогла, и он от всей души благодарен. Дама вернулась к работе, и улыбка не сходила с её лица.

– Скорее всего, дверь взломали снаружи. Со служебного входа можно зайти прямо сюда, минуя остальные помещения, – тихо заключил детектив, вернувшись к Вильямсону.

– Я уже ничего не понимаю, Эдельгейт. В духе Стонбая вытворить фокусы с издевательскими заголовками, но чтоб *две* газеты! Что по этому поводу обычно думают детективы?

– Детективы обычно не исключают ни одну из версий, пока не докажут обратного. Мистер Стонбай мог сделать вторую версию газеты, чтобы отвести от себя подозрения. А мог говорить правду, и сюда проник очень осведомлённый мошенник и взломщик, который в курсе, как пользоваться типографским станком. Вы, к слову, прочли ту статью?

– Зачем мне читать всякие пасквили?

– Напрасно. Там есть любопытная деталь.

– Ну же, Эдельгейт, не тяните кота за хвост!

– В тексте ни одной ошибки.

– И что?

– Мошенник – весьма грамотный человек. Такое приходит с опытом и начитанностью.

– Тьфу на ваши загадки. Я вам плачу за ответы. Так ответьте мне: Стонбай виновен или нет? И кто взорвал мой по-

езд?

– Я это узнаю... в свободное время, как вы помните, – улыбнулся Эдельгейт и долго всматривался в царапины на дверном замке.

В узких переулках восточной части Гласстона жизнь текла иначе. Вместо фешенебельных гостиниц – более скромные доходные дома. Вместо каменных и кирпичных зданий – деревянные, местами покосившиеся постройки. Прогорклый запах помоек и нечистот. Тусклым днём стихийные рынки, где каждый продавал и покупал, что мог. А угольной ночью – разбой и разврат... впрочем, это здесь называлось услугами.

К счастью для себя, Эдельгейт пришёл сюда, пока ещё не стемнело, и вооружённые разбойники и «уличные феи» его не беспокоили. Однако обитатели бедного района смотрели на него косо. В своём дорогом светлом костюме, шляпе-цилиндре и газетой под мышкой Эдельгейт выглядел белой вороной, залетевшей со светского приёма не туда.

Но именно здесь Гай надеялся найти тех, кто ему нужен. Мальчишки-газетчики не стали бы разговаривать с ним во время работы на улицах, но здесь, в переулках, они чувствовали себя как дома и ничего не боялись.

Несмотря на то, что несколько лет назад по всей стране начали открываться благотворительные школы, детей из самых бедных семей отправляли не учиться, а работать, чтобы помогали семье держаться на плаву. И продажу газет мож-

но назвать для таких ребятишек самой квалифицированной работой, потому как справиться с ней могли только самые смышлёные. Не умея читать, продавцы должны были каждый день заучивать громкие заголовки и принимать оплату от покупателей без ошибок. Те, кто имел не настолько светлую голову, шли в шахты, на фабрики, в собачьи золотари³, трубочисты, факельщики и чистильщики обуви. И с двумя последними было далеко не всё так просто.

– Сэр, позвольте почистить ваши ботинки! – тонкий голосок прозвучал за миг до того, как маленькие руки начали с усердием тереть тряпкой ботинок, не дожидаясь утвердительного ответа.

Но Эдельхейт отступил на шаг и назидательно поднял, словно указательный палец, трость.

– Мальчик. Ты уже третий, кто пытается почистить мои ботинки в этом районе. И, как видишь, мой кошель всё ещё при мне. Понимаешь, что это значит?

– Что... у вас красивый кошель... сэр? – взгляд мальчика невольно метнулся в сторону, где за углом таился его сообщник.

– Вот что, мальчик. Я дам тебе и твоему другу по двадцать пенсов сейчас и попрошу кое о чём. И, если вы сможете мне помочь, то дам ещё по тридцать.

– Пятьдесят пенсов! Что надо делать, сэр?

³ «Собачьи золотари» (pure-finder) собирали фекалии и продавали кожевенным фабрикам для выделки кожи

«Быстро посчитал, — заметил Эдельгейт. — Этот точно газетчик. И по вечерам промышляет воровством со своим другом». Пятьдесят пенсов для таких ребят было достаточно мало, чтобы не счесть Эдельгейта обманщиком, и достаточно много, чтобы у них загорелись глаза.

— Мальчик, мне нужно узнать...

* * *

Бухгалтер Руд Диксон смертельно устал. И замёрз. И, судя по мелким кругам в лужах, совсем скоро ещё и промокнет. Он шумно высморкался в несвежий платок, прижал кожаную папку с бумагами поближе к себе и ускорил шаг.

На улице уже стемнело и каждый шаг прочь от Централь-ных улиц вглубь города приближал к неизвестности. Сверкающий днём цивилизованностью и прогрессом Гласстон ночью превращался в оскалившееся в темноте чудовище. И кратчайший путь Диксона к дому пролегал по краю этой пасти — через чёрные безлюдные переулки.

И хоть Диксон мог позволить себе нанимать факельщика, на деле такие «помощники» могли завести незадачливого прохожего к своим сообщникам и ограбить. Поэтому Диксон предпочитал идти сам, и ноги безотказно вели его домой через знакомые кочки, повороты и застоявшиеся лужи, от которых пахло нечистотами и протухшими объедками.

Диксон потёр свободной рукой висок. Несмотря на то, что он привык к местным запахам, сегодня они только обостряли его головную боль. А всё эти треклятые бумаги! Началь-

ник возложил на него сложную задачу, более того – не совсем законную. Но дело бухгалтера маленькое – подтасовать цифры, свести расчёты, и вот уже убыточные предприятия не убыточные, а дают хорошую прибыль. Начальник рад. Его акционеры рады. А Диксон получит лишний фунт.

Впрочем, начальник тоже справлялся с ситуацией в своей манере. Устраивать на улицах шум он умел, и вот потерявшие на той неделе два пункта акции снова подросли за счёт высоких продаж.

Диксон проходил мимо затихшего на ночь рынка и на миг споткнулся на гнилой картофелине. А когда вернул равновесие, то увидел впереди огонёк просмоленной палки. Факельщик. Судя по высоте огня над землёй, ребёнок. Диксон поёжился, но не свернул с пути. Огонёк приближался и рябил в глазах.

И тут сзади в мужчину что-то врезалось. Он повалился вперёд, а бумаги в кожаной папке бухнулись в лужу перед ним. Огонёк факельщика блеснул перед глазами, чья-то маленькая нога наступила на несчастную поясицу Диксона, послышался лёгкий «плюх» в воду и детский смех, а потом шаги так же быстро растворились в темноте.

Ворча на ночных хулиганов, Диксон сел и потёр ушибленные локти и колени. Могло быть и хуже. Его жизнь и даже кошелёк остались при нём. Когда глаза снова привыкли к темноте, бухгалтер начал шарить руками в поисках папки с бумагами, но это оказалось как искать чёрную кошку в тём-

ной комнате. Он обшарил переулочек, вымазался в грязи, но ладони находили только мусор. Документы пропали. Пропал Диксон.

Он не сразу услышал, что позади приближались ещё шаги, а потому вздрогнул от внезапного голоса:

– Что-то потеряли, сэр?

Следующее, что помнил Диксон, это нож у его горла. Кто-то крепко схватил мужчину за грудки прижал к стене. Хоть Диксон и был крупнее нападавшего, не смог от страха и пошевелиться, а лицо побелело как мел. Дождь тихо накрапывал по крышам и лужам, но уши заложило, как от грома.

– С-сэр, у меня немного денег, но возьмите. Н-не убивайте!

Обычно этого хватало. Тут, конечно, водились мокрушники, но никто не стал бы наживать неприятности лишним трупом, если таковых можно избежать. Но преступник внезапно стукнул по руке Диксона, и его кошель бухнулся в лужу.

– Деньги мне уже заплатили. У шефа дела тут идут совсем скверно, а ты слишком много про них знаешь.

Душа Диксона ушла в пятки. Не может быть! Собственный начальник подослал к нему убийцу! «Горе мне! – разрыдался про себя несчастный бухгалтер. – Да если б я знал!»

Глаза сквозь слёзы уловили приближающийся свет, и Диксон неожиданно уверовал в Бога и жизнь после смерти. Но раздался выстрел в воздух, чьё-то «Эй!», и удерживающие

Диксона руки тут же исчезли. Он тяжело сполз по стене, ватные ноги не слушались, а дыхание, больше напоминавшее стон, никак не успокаивалось.

– Сэр, вы не ранены?

На этот раз Диксон отшатнулся от незнакомого голоса как от чумы и заслонился руками.

– Н-нет, не убивайте.

– Успокойтесь, сэр. Преступник сбежал. Я не причиню вам вреда.

Ласковый успокаивающий голос заставил Диксона открыть глаза и взглянуться в лицо джентльмена. Да, это определённо был джентльмен в белом костюме и шляпе-цилиндре, с факелом в одной руке и револьвером в другой. Пове- рить в его появление в таком месте было сродни чуду, но именно это чудо только что спасло несчастного бухгалтера.

– Позвольте представиться. Моё имя Гай Эдельхейт, – джентльмен убрал в карман револьвер и коснулся шляпы в приветствии.

– Руд Диксон, – пролепетал в ответ бухгалтер.

– О, так это вас я ищу.

– М-меня?

Только сейчас в свете факела, Диксон заметил, что глаза у джентльмена разные – одни серый, другой фиолетовый. По- годите, где-то Диксон про такие слышал...

– Мне сказали, что вы поздно заканчиваете работать, но я не успел к вашему уходу из редакции, поэтому узнал ваш

адрес. Мне хотелось с вами поговорить. Видите ли, я частное лицо – кто-то бы даже назвал меня частным детективом – и я расследую одно... даже два дела. Вы бы мне чрезвычайно помогли, если бы рассказали о своём начальнике. О, – детектив посмотрел вниз и приподнял ботинком кожаную папку, – это ваши документы?

Но последнее Диксон не услышал. «Песня!» – вдруг осенило его. Он слышал, как в пабе про этого детектива распевали песни! В сердце Диксона тут же разлилось тепло от неожиданного спасения и безопасности в присутствии этого человека. Вот кто ему друг! Вот кто ему поможет! А Стонбай со своими убийцами может катиться к чёрту!

– Я всё расскажу, сэр. Всё до единого слова!

* * *

Винс переоделся в одежду, которую спрятал в мешке в переулке. В глубокий карман поместился завёрнутый в лоскут нож. Бешено колотящееся сердце понемногу успокаивалось и вступало в свой обычный ритм. Что теперь будет с газетным бухгалтером, и как тот поступит, Винса не волновало. Он всё сделал как надо, остальное не его проблемы.

Чтобы развеяться, Винс обещал встретиться сегодня с Джеймсом в пабе «До капли». В конце концов, они не закончили «прогулку», и этот «Сыщик» наверняка опять будет вытягивать деньги на дорогую выпивку. Но Винс не против, дело того стоило.

Винс вышел из глубины трущоб в более обитаемые пе-

реулки, где жизнь не прекращалась ни до полуночи, ни после. Бродяга коптил что-то над костром, наверное, поймал несчастную кошку или крысу. Какая-то парочка лобызалась у всех на виду. Другие спали, свернувшись для тепла в клубок, а за углом слышались звуки драки, вполне возможно, поножовщины. Горе бобби, которых назначают в этот район. Их попытки навести порядок напоминала дырявые трубы – сколько воды ни лей, до котла не доберётся.

Гласстон мог хвастаться званием города света и прогресса, но то лишь фасад Центральных улиц. В глубине переулков город остался так же тёмным и безнадежен, как и до своего расцвета.

Винс поправил твидовый пиджак и направился в противоположную от драки сторону. Ни к чему сейчас лишние неприятности, и так засветился. На повороте его сцапала ярко накрашенная дамочка, от которой несло перегаром.

– А ты вкусно пахнешь. Вижу, у тебя водятся деньги, – замурлыкала она и потянула Винса за ремень, – не хочешь провести эту ночь со страстью?

– Я «со страстью» проведу эту ночь с бутылкой джина. «Дьявольские кошечки» меня не интересуют.

Дама тут же отпустила Винса и надула от обиды губы. То ли из-за отказа, то ли из-за того, что Винс назвал её «дьявольской кошкой», в то время как сами «кошки» предпочитали куда более поэтичное «уличные феи».

Винс прибавил шагу, чтобы успеть к Джеймсу. Тот сидел

за их обычным столом и страшно переживал, что ему самому придётся платить здесь за выпивку. Однако при виде Винса на лице «Сыщика» промелькнули поочерёдно и радость, и обида.

– Как ты мог меня бросить?! – насупившись, воскликнул Джеймс.

Отсветы тусклой лампы делали его лицо пунцовым – то ли от злости, то ли от количества выпитого.

– У меня были дела. Я ведь предупреждал, – Винс устроился напротив и подозвал официантку. – Но сейчас все здесь, всё хорошо, и я в твоём распоряжении.

При этих словах всю обиду Джеймса как рукой сняло. Он расплылся в улыбке и заказал себе лучший сорт пива.

Глава 6. Вердикт

На чердаке Эдельхейта всю ночь горела свеча. Он попросил у миссис Палмер чертёжную доску и пристроил у себя над столом. Фотографии, газетные вырезки и рукописные заметки соединялись красными нитями и нарисованными стрелками.

Эдельхейт одну за другой изучал бумаги, переданные бухгалтером, и удивлялся их количеству. Многие обеспеченные дельцы как дань моде оформляли большие объёмы информации в компактные перфокарты. Но чтобы записать и расшифровать такую, требовались услуги Канцелярского бюро со всей присущей бюро волокитой и заполнением заявок на пользование перфоратором. А потому личную и негласную информацию дельцы предпочитали по старинке записывать на обычную бумагу. И количество *этих* бумаг говорило о том, что негласной информации у Стонбая накопилось немало.

Несколько часов Эдельхейт читал пометки, сопоставлял цифры, отслеживал денежные потоки, пока все листки не перекочевали с правой стороны стола на левую. Гай устало потёр глаза. Стопка разобранных документов теперь лежала на столе памятником пройденного лабиринта... который вовсе не привёл к цели. Документы доказывали плачевное положение дел Стонбая. Напуганный бухгалтер собрал вещички и,

не прощаясь с начальником, наверняка уже покинул город. И что с того? Эдельхейта не интересовало банкротство газетчика. Если только...

Внезапная мысль сверкнула подобно искре в темноте. Вот она – деталь, которая приведёт в движение весь механизм дела...

Уже рассвело, и все шестерёнки города должны были занять свои места и начать работу. Эдельхейт прихватил саквояж и направился к мистеру Вильямсону, с которым уговорился встретиться. Наниматель ждал скорейшего отчёта.

Едва детектив переступил порог богато обставленного кабинета, как перед ним, едва не хлопнув по носу, упала брошенная газета.

– Мошенник опять за своё!

Гай поднял газету. Заголовки первой полосы кричали о том, что у Вильямсона нет средств заплатить рабочим: «Банкротство "торгового принца" всё ближе!»

– Этот негодяй считает, что может водить меня за нос! – ругался Вильямсон.

На стол упала другая газета, где главная статья буднично рассказывала о возможном переименовании Гласстона в Глассгертон. Значит газет снова две.

Раскрасневшегося от негодования Вильямсона увещевала его дочь:

– Отец, прошу, подумайте о своём здоровье...

– Чёртов Стонбай. Если это он, я его!..

Инес Браун накапала в воду несколько капель из аптечного пузырька и пыталась протянуть стакан Вильямсону, но тот отмахнулся, продолжая ругаться на весь свет. Инес с мольбой во взгляде негромко обратилась к детективу:

– Мистер Эдельхейт, прошу, сделайте что-нибудь. У вас есть для отца хорошие новости?

Искренняя забота дочери об отце выглядела настолько трогательно, что Эдельхейт передумал навязываться на завтрак. Он взял номер фальшивой газеты и вгляделся в оттиск. На этот раз из другой типографии. Но поскольку все они принадлежат Стонбаю, это не даст ничего нового. Если только...

«Банкротство "торгового принца " всё ближе!»

– Если только банкрот не обвиняет в своём грехе другого...

– Что вы сказали? – встрепнулся Вильямсон.

– Простите. Мысли вслух. Вы хотели, чтобы я выяснил, виновен ли Чарльз Стонбай в порочащих вас заголовках.

– Эдельхейт, не тяните!

– Что вы видите? – детектив развёл руками над столом.

– Две газеты, полные чуши. А вы что видите?

– Мистер Вильямсон, я должен задать вопрос и попрошу ответить на него честно. У вас с мистером Стонбаем была какая-либо договорённость, из-за которой он хотел бы сохранить с вами деловые отношения?

Эдельхейт пристально посмотрел на своего нанимателя.

Взгляд разноцветных глаз всегда обескураживал собеседников детектива, заставлял их нервничать и выдавать свои секреты. Эдельхейт проделывал это со всеми, даже со своими союзниками, и лишь немногие могли выстоять.

– Я обещал держать его в курсе расследования по взрыву в моём цехе, – нехотя проворчал Вильямсон.

– А взамен?

– Взамен он не будет печатать слухи! Потому что этот Стонбай любую мелочь может раздуть до государственных масштабов.

– Другими словами, чтобы он придерживался *вашей* версии событий, – рассудил Эдельхейт и явственно ощутил, как Вильямсон хочет ему врезать. – Но ваше расследование не даёт ему громких заголовков. Почему вы так уверены, что автор сей... затеи с поддельной газетой он?

– Эдельхейт, если вы сейчас скажете, что он тут не при чём... – грозно постучал пальцем по столу Вильямсон.

– Я такого не говорил.

– Так он виновен или нет?!

– Я считаю, что он виновен в куда большем, ибо *я* вижу, – Эдельхейт снова развёл руками над газетами, – два стула, на которых пытается усидеть мистер Стонбай. Мистер Вильямсон, прошу вас поехать со мной. И заедем по дороге в полицейский участок: нам понадобится рука закона.

Констебль Хиггинс был скорее из тех, кто заботится о се-

бе и своих усах, чем отдаёт всего себя работе. Но подвернувшиеся шансы, которые сами плыли ему в руки, не упускал, а потому, недолго думая, принял приглашение Эдельхейта. Если работа будет сделана, то какая начальству разница, что её сделал не Хиггинс.

Все трое ехали на паромобиле Вильямсона, и последний нетерпеливо ёрзал на заднем сиденье. Эдельхейт что-то шепнул водителю, и тот неторопливо поехал по мостовой, лавируя в потоке транспорта, пока в конце концов не привёз всех к редакции Стонбая.

– Что ещё нам нужно здесь? Я не желаю сегодня говорить с этим клеветником! – заявил Вильямсон.

– Вам и не придётся, – успокоил его Эдельхейт. – Констебль Хиггинс, прошу сюда.

Они остановились у служебного входа, который вёл в типографию. Внутри слышались щелчки и шумная работа станков, но Эдельхейт не собирался их беспокоить. Вместо этого он указал на царапины у замочной скважины.

– Замок взломали, – констатировал констебль. – Крайне неаккуратная работа.

Констебль Хиггинс уже ранее приезжал сюда по заявлению Стонбая о взломе. Он же осматривал и взорванный цех – два дела, по которым так и не продвинулся.

– Согласен, очень неаккуратная. Это насторожило и меня. Во всём остальном мошенник был так безупречен, но оставил столь грубые царапины. Вы когда-нибудь видели, как ра-

ботаает взломщик? У меня нет подобных инструментов, но, позвольте, я покажу на булавках.

Эдельгейт вынул из своего шейного платка две булавки и присел на корточки.

– Аккуратный взломщик мог бы открыть замок, не оставив следов. Дилетант оставил бы царапины... но не здесь. Когда инструмент срывается, он проскальзывает вот так.

Эдельгейт чиркнул булавкой, оставив тонкую линию от замочной скважины до середины замка, и выжидательно посмотрел на собеседников. Констебль всё понял первым:

– Царапины... Они совсем в нелогичных местах!

– Кто-то очень хотел создать видимость взлома, – кивнул Эдельгейт, – поэтому я склонен думать, что никакого взлома не было.

– Стонбай сам был в типографии! – воскликнул Вильямсон.

– Или нанял кого-нибудь, кто бы напечатал заготовленный текст, а мистер Стонбай тем временем обеспечил бы себе алиби. Помните, что я говорил вам о тексте той статьи, мистер Вильямсон? Она написана на удивление грамотно, такой складный слог и... всмотритесь.

Эдельгейт достал из саквояжа несколько газетных вырезок за авторством самого Стонбая, и везде была выделена одна и та же фраза: «Здесь нет ничего личного».

– Ха, «ничего личного» – любимая присказка Стонбая, – проворчал Вильямсон и замолк на полуслове, когда Эдель-

хейт показал ему позавчерашний фальшивый номер. В клеветнической статье эта фраза тоже встретилась два раза.

– Набившему руку писателю трудно скрыть устоявшийся стиль. Он всегда проглядывает.

– Это Стонбай! Я так и знал! Констебль! – скомандовал Вильямсон. – Я официально обвиняю Чарльза Стонбая в клевете! Идёмте, оформите всё, как полагается.

– Не спешите, мистер Вильямсон.

– Почему нет? – вскинулся он.

– Мы пойдём к мистеру Стонбаю... – улыбнулся Эдельхейт, – но для того, чтобы обвинить его во взрыве вашего поезда и краже из сейфа.

Гай изучал документы бухгалтера не зря. Там нашлось много интересного. Подтасовка цифр, сделок, событий. Чтобы фальшивые сведения выглядели убедительно, следовало оставить их след в как можно более давних документах. И несчастный бухгалтер Стонбая занимался этими делишками уже несколько лет.

Если очистить зёрна от плевел, то получается, что большие прибыли газетного магната не такие и большие. Купленные типографии за счёт печати мелких брошюр и реклам не могли покрыть аппетиты Стонбая, а те были под стать его званию «торгового принца».

Вот только «принц» по меркам магнатов давно нищий. Его детище – ежедневная газета «Вестник Гласстона» – единственное, что удерживало его печатную империю

на плаву. Каждый громкий заголовок приливом приносил Стонбаю деньги, повышал стоимость акций и славу.

Если бы Стонбай был таким же умелым дельцом, как Вильямсон, то не нажил бы столько проблем. Но, увы, он был лишь умелым писакой. Все появлявшиеся за последний десяток лет газеты-конкуренты он тут же скупал и тратил невообразимые суммы ради того, чтобы быть единственным источником сенсаций.

Чем больше Эдельгейт узнавал из документов, тем лучше понимал суть человека по имени Чарльз Стонбай. Тот словно артист на сцене желал каждый день играть только главную роль, выдавать только громкие события, которые обсуждались бы в самых разных компаниях – от рабочих на перекурах до высшего света. По его публикациям люди в других городах и странах будут судить о Гласстоне и эпохе прогресса. И автором этой истории запомнится именно Чарльз Стонбай.

Гласстон – это место, где обязано происходить что-то громкое каждый день. Так он думал. Но, к несчастью для Стонбая, не происходит. Поэтому он постоянно вился возле Вильямсона – своего главного инфоповода, превратившего редактора когда-то маленькой газетёнки в «торгового принца». Но даже такой инфоповод за много лет стал для искушённой публики рутиной. В таком контексте взрыв на фабрике Вильямсона стал для Стонбая настоящим подарком. И таких «подарков» у Стонбая было много.

Всегда ведь можно вместо скучной заметки о работе консервного завода, подослать туда проверяющего, который непременно «найдёт» в консервах кошатину. И вот готов громкий заголовок в духе: «Локман кормит жителей Глассона дохлыми кошками!» У завода убытки, у Стонбая – прибыли от продаж и подорожавшие акции. «Ничего личного», в самом деле.

Так Стонбай тратил большие суммы на что угодно, что могло сделать ему громкий заголовок, и купался в лучах славы. И со временем расходы стали превышать доходы.

Когда однажды газетная империя не выплатила дивиденды, акционеры что-то заподозрили. Акции сильно потеряли в цене, пошли разговоры о банкротстве Стонбая. Над ним нависла угроза оказаться на обочине той жизни, к которой он так привык. Но уже через несколько дней возмущённые голоса затихли под дождём щедрых выплат – ссуда, которую Стонбай взял в банке и не смог выплатить, а потому взял ещё. Но в этот раз банк запросил его бухгалтерские книги, которые бы доказали, что дела у Стонбая идут хорошо.

Тут и вступил в игру бухгалтер, который оказался горазд тасовать цифры и подделывать финансовые отчёты за скромную прибавку к жалованию. Акционеры охотно покупали акции компании по высоким ценам, думая, что дела у Стонбая процветают, а сам газетный магнат уже несколько лет водит за нос банки в других городах, ссудами одних погашая долги в других.

Так «Вестник Гласстона» оказался единственной исправной шестерней в этом механизме, и Стонбай щедро смазывал её деньгами. Он тщательно следил за котировками акций и продажами, потому что убыточная газета сломает скрипучую машину его империи окончательно. И эта прожорливая машина требовала по-настоящему большой сенсации...

– Абсурд! – крикнул Стонбая и ударил рукой по столу. – Что за нелепость! Я засужу вас за клевету, а потом красочно поведаю об этом всему Гласстону!

– Я наблюдал за вашими акциями, мистер Стонбай. После публикации о взрыве они значительно подорожали. Такое происходило каждый раз, когда вы своими же руками устраивали в городе очередной шум. В ваших бухгалтерских бумагах указаны все траты. Благодарю вас за столь аккуратное и скрупулёзное ведение документации. Полиции она очень поможет, – вежливо отозвался Эдельхейт и передал кожаную папку констеблю.

Глаза Стонбая в ужасе метнулись в сторону. «Вот оно, – с удовольствием заметил детектив. – Я попал в точку». Но подозреваемый предпринял последнюю попытку:

– Не взрывал я никакой цех! Что за нелепица!

Взгляды Вильямсона, констебля и самого Стонбая устремились на Эдельхейта в ожидании. Что же, к таким взглядам он тоже привык. Детектив прошёл к столу главного редактора и взял потрёпанную книгу, которую тот, несомненно, перечитывал много раз.

– «Ветер сенсаций» – любопытная книга, мистер Стонбай. Вижу, вам очень нравятся авантюрные романы. Мистер Вильямсон, вы читали?

– Не читаю бульварных книжонок.

– А я, признаться, почитываю. Знаете, о чём эта история? О ловком журналисте, который сам создавал сенсации из ничего. И прославился на своей лжи.

– Причём тут ваша дурацкая кни... – начал Вильямсон, но вдруг осёкся и посмотрел на вежливо улыбающегося Эдельгейта, а затем на закипавшего Стонбая.

– Абсурд! – крикнул тот. – Вы обвиняете меня из-за книги?!

– О, что вы. Книга только навела меня на мысль, а доказательства подкрепили.

– Какие ещё доказательства?

– Я всё думал, как преступник взорвал большой цех? Не сомневаюсь, что вы нашли и наняли настоящего умельца, мистер Стонбай, но даже умельцу нужно знать много факторов, чтобы такое рассчитать. Никто ведь не должен был пострадать. Вы же не убийца, в самом деле. Мистер Вильямсон, вы велели закрыть свой цех до Дня прогресса и никого не пускать. Сколько он простоял безлюдным?

– Неделю.

– Достаточно времени, чтобы навестить цех не один раз. Помните, я говорил, что ваш сейф вскрыли до взрыва? Мне казалось, что прямо перед ним, но здесь я ошибся. Сейф

ограбили по меньшей мере за день до взрыва. Забрали не только деньги, с которыми, позвольте заметить, у мистера Стонбая сейчас сложности, но и чертежи вашего поезда. Подземный поезд требует освещения в вагонах, так ведь? А для освещения нужен газ.

– Газ был в кожаном мешке на крыше вагона, – кивнул Вильмсон.

– В котором хватило бы маленькой дыры и одной искры, чтобы всё вспыхнуло. Вы ведь никому не рассказывали, *что* готовите на День прогресса. Вор и мистер Стонбай никак не могли узнать об этом, если б не успели подглядеть в чертежи. А в вашем чертеже, я уверен, были все данные, мистер Вильямсон. На их основе вор и устроил взрыв.

– Абсурд! – снова повторял Стонбай. – Это всё ваши домыслы! Не видел я никаких чертежей.

– Это легко проверить, – резко сказал Эдельхейт и устремил взгляд точно на сейф за спиной подозреваемого. – Будьте добры, мистер Стонбай, откройте.

– Вы не имеете права. Частная собственность!

– Я имею право. Открывайте, – заявил констебль и красноречиво положил ладонь на свою дубинку на поясе.

Стонбай бледный как смерть протёр лоб платком и нетвёрдыми руками принялся открывать сейф. Пальцы не слушались. Когда же дверца открылась, все вытянули головы и вгляделись в содержимое: там лежала пачка денег и свёрнутая в трубку бумага – чертёж поезда.

– Я знал, что вы не выбросите такую ценную бумагу и придержите, чтобы выгодно продать кому-нибудь за границу, – улыбнулся Эдельгейт.

– Мерзавец! – вскричал Вильямсон и готов был забить Стонбая своей тростью до смерти, если бы констебль его не оттащил. – Где второй чертёж?! Кому ты его продал, отвечай! – продолжал буйствовать Вильямсон.

– Чушь, Грегор! Я создавал сенсации, но твой поезд не трогал. – Стонбай выпятил грудь вперёд, его лицо от всего происходящего приобретало то серый, то белый, то красный оттенок. – Мне всё это подкинули!

– Вздор! Это мои деньги в твоём сейфе, я точно знаю, сколько там! Это жалование работникам. *Поэтому* ты писал, что мне нечем платить, потому что *знал*, сколько было украдено!

– Мистер Вильямсон, вы утверждаете, что это ваши деньги? – официально осведомился констебль Хиггинс.

– Утверждаю! Пересчитайте! Если только Стонбай не успел часть растратить...

Констебль аккуратно выложил на столе все купюры. Все в комнате затаили дыхание. В глазах Стонбая ещё теплилась надежда, что расчёты не сойдутся... но тщетно.

– Констатирую. Здесь ровно столько, сколько вы назвали, мистер Вильямсон. Занесу в отчёт и передам в суд.

– К-какой суд? – побледнел газетный магнат.

– Мистер Стонбай, вы арестованы за клевету, ложные по-

казания, дезинформацию жителей Гласстона, воровство в крупных размерах и порчу имущества. Вы имеете право хранить молчание и нанять адвоката.

– Если сможет его себе позволить, – тихо усмехнулся Эдельхейт, пока на преступника надевали наручники.

– Вильямсон, я это так не оставлю! – орал Стонбай на всю редакцию. – Вы заплатите за это! Я всё расскажу о вашей тайне!

Вильямсон внезапно изменился в лице и побледнел не хуже Стонбая. Он зашатался и упал бы, если бы Эдельхейт не поддержал его за руку.

– Зря стараетесь, мистер Стонбай. Вы нагородили столько лжи, что ещё одной мир не поверит, – ответил детектив вослед.

Одного из «торговых принцев», газетного магната, в былые времена возносившего и ломавшего судьбы многих людей, увели в наручниках на глазах у всех.

Эдельхейт деликатно закрыл дверь в кабинет и провёл Вильямсона к единственному стулу – бывшему креслу Стонбая.

– Дышите глубже, мистер Вильямсон. Мистер Стонбай не сможет больше навредить вам. Уже завтра весь Гласстон узнает о его лжи и махинациях. Я даже готов дать газете комментарий, если вам угодно. Никто ему не поверит, что бы тот ни сказал.

– Да... да, вы правы, – выдохнул Вильямсон и промокнул

вспотевшую лысину платком.

– И всё-таки могу я узнать, о какой тайне вёл речь мистер Стонбай?

– Ни о какой, – отрезал Вильямсон. – Это давний пустяк, не обращайтесь внимания.

– Как скажете, мистер Вильямсон, – улыбнулся Эдельгейт. Вильямсон полностью пришёл в себя и оглядел заставленный книгами и газетными номерами кабинет.

– Что теперь будет с бизнесом Стонбая?

– Полагаю, акционеры разберутся, и газета продолжить выходить.

– Вы правда дадите комментарий, чтобы растоптать репутацию Стонбая?

– Конечно, мистер Вильямсон. Юрист должен быть на стороне своего клиента и оберегать его.

Внезапно лицо Вильямсона разгладилось. Несмотря на все размолвки, впервые человек по имени Гай Эдельгейт вызвал у него симпатию и благодарность.

– Я рад, что я ваш клиент, Эдельгейт, – чуть улыбнулся сквозь усы Вильямсон.

– Что вы, мистер Вильямсон... Я имел в виду вашу дочь. «Наглец!»

Песня про знаменитого детектива с разными глазами вышла за пределы пабов и ушла в народ. Её пели в подворотнях, в парках, насвистывали за работой и исполняли под пи-

анино, балалайку и даже скрипку. А после последних событий прибавили ещё один куплет:

«Ловко вывел на чистую воду
Того, кто враки сделал модой!
Газетчик теперь за решёткой гниёт,
Героя Гласстона славит народ!»

Мужчины и женщины подпевали друг другу и танцевали под эту мелодию в сквере на Паддингтон-стрит. Кто-то подсуетился и записал музыку на перфокарту, и теперь автоматы по всему Гласстону наигрывали на скрипке её весёлый мотив. А рядом тихо хохотал Винс.

«Ничего-ничего. История ещё далека от завершения»

Глава 7. Подпись

В особняке Вильямсона сегодня ярко горели все лампы и даже свечи. Начищенный паркет блестел и ловил блики шумного движения вечера. Слуги то и дело убегали в погреб, чтобы вынести очередную бутылку бренди, коньяка или шампанского и разлить гостям. Закуски нескончаемым потоком продолжали выносить с кухни.

Но самой выразительной деталью вечера был оркестр автоматов, который мистер Вильямсон специально заказал для сегодняшнего вечера из театра. По городу встречались одиночные механические фигуры с музыкальными инструментами, например в скверах или богатых магазинах, но механических оркестров такого размера было всего два на Гласстон – в самом крупном сквере на Адмонт-стрит и в театре «Альгамбра». В своё время мистер Вильямсон торжественно открывал оба.

И сейчас безликие скрипачи, виолончелисты, трубачи, арфист и пианист в медных шляпах и таких же медных фраках аккомпанировали танцам и звону бокалов.

– Поверить не могу, что уважаемый мистер Стонбай нас обманывал! – удивлялась графиня Мур, прикрывая свою морщинистую шею чёрным веером вдовы.

– Сам творил преступления и сам же о них писал! Вот это схема!

– Мистер Смит, вы говорите так, словно им восхищаетесь.

– Лишь ловкостью задумки, дорогая графиня, – улыбнулся Уолтер Смит и залпом допил остатки бренди.

– Интересно, что же теперь грозит мистеру Стонбаю? Я слышала, мистер Вильямсон будет добиваться самого сурового наказания!

– Не тревожьтесь, графиня, – ответил Смит. – Если я что-то понимаю в законах, – все дружно рассмеялись милой шутке нотариуса, – то мистеру Стонбаю грозит лишь тюремный срок. И даже не пожизненный. Зато, когда он выйдет, боюсь, у него не останется ни единого пенса и ни единого друга.

– Он заслужил, – категорично заявил владелец транспортной компании Милсворд. – Сорвать День прогресса, уничтожить чудо техники! Я бы дал и пожизненное.

– Вы чересчур суровы, мистер Милсворд...

– Просто поезд должен был обкатывать *его* рельсы. Как жаль, что мистер Милсворд уже успел скупить для этого землю, – хихикнул банкир Фаулер. – Так порадуемся же за нашего мистера Вильямсона, что всё благополучно разрешилось. И выпьем за мистера Эдельхейта – того, кто эту ситуацию разрешил!

Звон бокалов слился с громкими тостами и весёлым мотивом скрипки. Вильямсон обхаживал каждого из гостей, изображая лучшего на свете хозяина вечеринки. Смеялся их шуткам и веселился вместе со всеми. Только Эдельхейт стоял в стороне и задумчиво смотрел в толпу, кружа в своём

бокале шампанским.

– Сегодня весь город пьёт за вас, – заметила подошедшая Инес Браун.

Её платье было тёмно-изумрудного цвета, а на руках модные обшитые лентами митенки. Сегодня она не надела траур.

– Не знал, что *всему* городу сегодня налили, – отозвался Эдельгейт.

– Вы ещё останетесь с нами? – не обратила внимание на его колкость Инес.

– Ваш отец настаивает, чтобы я нашёл пропавший чертёж. Да и меня, собственно, беспокоит наш взрывотехник. Сколько ни был способен мистер Стонбай, вряд ли среди его талантов есть навыки взломщика и подрывника. А потому, по меньшей мере, один преступник всё ещё на свободе.

– Думаете, он ещё в городе?

– Уверен, что так. Если он до того оставался вне поля зрения полиции, то и это происшествие его не раскроет. Так что мне будет чем заняться в мой отпуск, – беспечно закончил Эдельгейт и улыбнулся миссис Браун.

Она зачарованно посмотрела в его разноцветные глаза, а потом сморгнула и смущённо отвернулась, закрыв лицо веером.

Глаза Гая и впрямь оказывали на людей необычный эффект. Одних они очаровывали, словно излучали непонятную, но притягательную магию. Причём, «жертвами» могли

оказаться и мужчины, и женщины. Другие считали его глаза дьявольскими и старались не встречаться с Эдельхейтом взглядом. Среди них тоже были и мужчины, и женщины. Поэтому и для первых, и для вторых Гай носил на носу маленькие тёмные очки... если только не вёл допрос.

Тем временем Инес справилась с неловкостью и продолжила разговор:

– Что вы намерены делать дальше в своём расследовании?

– Искать. *Пока* искать.

– Если я могу вам чем-то помочь, скажите.

– Оу?

– Вы помогли моему отцу. Спасли его от человека, вредившего его делу не один год. Я хочу хоть как-то отплатить вам.

– Ваша забота об отце трогательна, мистрис Браун, но вряд ли мистер Вильямсон будет рад, если я воспользуюсь... вашим предложением.

– Отец держит меня за дорогую и хрупкую вазу. Он заботится обо мне, но не всегда прав, – деловито отозвалась Инес. – Даже об вазу можно порезаться.

– Об разбитую вдребезги, хотите сказать, – усмехнулся Эдельхейт, на что Инес обиженно передёрнула плечами, однако Гай добавил: – Но я оценил ваш пыл, мистрис Браун, и непременно обращусь к вам, если мне понадобится ваша помощь.

Оркестр автоматов тем временем заиграл всеми ин-

струментами разом, и зал наполнился величавой музыкой... Словно хозяин вечера как можно дольше пытался удержать торжество момента.

– Что это такое?

Эдельгейт с любопытством рассматривал на столе сложный чертёж. Прямые и выгнутые линии пересекались друг с другом, создавали фигуры клапанов и шестерней, цилиндров и поршней, образуя одному создателю ведомый математический узор. Многочисленные цифры и формулы заполняли каждый незанятый рисунком клочок.

«Вильямсон наверняка сейчас использует менее дешёвую бумагу, а значит чертёж очень старый. И чернила поблекли», – подумал Эдельгейт и вопросительно посмотрел на Вильямсона.

– Вам не нужно знать, что это. Вам нужно такое же найти. Если вор продаст дубликат чертежа, то мою работу могут украсть! Не допустите этого. Я вам щедро плачу.

За дело Стонбая Вильямсон и впрямь заплатил неплохо, но деньги для Эдельгейта не были главной мотивацией. А потому иногда стоило ставить зарвавшегося нанимателя на место.

– Мистер Вильямсон. Чтобы что-то найти, мне нужно знать, *что* искать. Иначе невозможно определить, кому вор мог продать ваш чертёж. Если же вас не устраивают мои методы работы, то я сейчас же приглашу к вам констебля Хиг-

гинса и продолжу свой отпуск.

Густые усы Вильямсона в раздражении зашевелились, но он всё равно не уступил.

– Просто запомните очертания рисунка. Эта технология... я ещё не доработал её. Она не готова для производства.

– Значит в таком виде чертёж не представляет ценности?

– Ещё как представляет! – стукнул кулаком по столу Вильямсон. – Если его доработает кто-то другой, он станет вторым «отцом прогресса»!

– ...И вторым Вильямсоном. А *первый* никак не сможет это пережить, – тихо вздохнул Эдельгейт, но собеседник его не услышал.

– Это *мой* чертёж. *Моя* технология. Нужно срочно найти дубликат.

На этих словах Вильямсон поспешно убрал со стола оригинал и спрятал в сейф – старый и крепкий, как заметил Эдельгейт. Не чета той новомодной игрушке с фабрики.

«Интересно... Столь ценный чертёж случайно попал вору в руки, или вор точно знал, что искать? Если случайно, то найти пропажу будет трудно, почти невозможно. Но если нет...»

Эдельгейт внимательно посмотрел на закрывшийся сейф.

Вереницы паромобилей ехали в западную часть Гласстона и, загрузившись пассажирами, увозили их всех за город.

Вдали от смога промышленных труб над головой сияло чистое небо и до редкости палящее солнце, от которого стремились укрыться в тени деревьев и под крышами торговых ларьков и трибун.

Тележки, чьи хозяева прибыли сюда ещё затемно, теперь катались с прохладным лимонадом и пивом по маршрутам приезжающих гостей, лавировали на стоянке паромобилей и пестрили яркими вывесками и флажками у входа на трибуны.

Каждое лето в Пинионе – маленьком пригороде Гласстона – проходила знаменитая выставка собак, где богачи со всего округа представляли своих хвостатых чемпионов. На глазах у публики солидные джентльмены во фраках и шляпах-цилиндрах важно выхаживали за своими собаками и купались в лучах всеобщего внимания в надежде на солидный призовой куш.

В этом году победу разделили поджарый доберман владельца транспортной компании Милсворда и питбуль в галстук-бабочке от крупного импортёра чая Пинкена. Оба хозяина посмотрели друг на друга с неприкрытой неприязнью и великодушно позволили главному судье надеть на своих питомцев одинаковые ленточки.

И если посмотреть саму выставку допускались только зрители из состоятельных семей, то на собачьи гонки могли издалека взглянуть и менее обеспеченные горожане, которые добирались сюда в переполненных паробусах.

Эдельхейту прислали приглашение на главную трибуну. Он миновал толпящихся зевак, прошел по полю пожелтевшей травы и поднялся к своему месту под навесом. Мистер Бонс энергично замахал ему рукой.

– Мистер Эдельхейт! Сюда. Вы припозднились, и мне пришлось охранять ваше место от посягательств мистера Хэлсвуда. Отчего вы так задержались? Вы пропустили всю выставку!

– Заторы на дороге, мистер Бонс. Да я и не любитель выставок, поэтому не слишком расстроен, – ответил Эдельхейт, присаживаясь на обитую бархатом скамью.

Бонс, словно не услышав последнего предложения, начал увлечённо рассказывать об итогах выставки.

– Видели бы вы лицо Милсворда, когда объявили, что победителей двое. Да ещё и его давний недруг Пинкен! Поверьте, Милсворд из тех, кто хочет быть на вершине в одиночку. Это сильно роднит его с мистером Вильямсоном.

Эдельхейт посмотрел вперёд. Через две скамьи от него сидели и беседовали Милсворд и Вильямсон. Рядом с отцом сидела Инес Браун в тёмно-медном платье и обмахивалась веером. Она почувствовала взгляд, обернулась и с улыбкой кивнула Эдельхейту. Он в ответ коснулся полей шляпы.

– Очаровательное создание, не так ли? – подмигнул ему Бонс. – Все считали, что мистер Вильямсон явно продешевил, когда отдал её неизвестному инженеру. Да, говорят, он был талантлив, но всё равно странно! Если кто-то и набивает

себе цену, так это Вильямсон. А тут такой инцидент.

– Может быть, он проникся историей любви юной Инес и своего подчинённого, – отстранённо ответил Эдельгейт. Пусть Инес и поведала ему подоплёку истории, но как юрист он трепетно относился к тайнам своих клиентов.

– Ну и брак, разумеется, получился крайне неудачный! – хлопнул по колену Бонс. – Вот что бывает, когда юные девицы сами выбирают себе женихов. Это дело стоит доверять опытным родителям. Полагаю, мистер Вильямсон больше не допустит такого недоразумения, тем более что его состояние с тех пор изрядно возросло. Скажу так, мистер Эдельгейт, кто женится на Инес Вильямсон, тот вытянет золотой билет! Мистер Смит вот уже пытался, но Вильямсон отказал. Какой был конфуз!

– Мистер Смит?

– О, вас ещё не представили друг другу? Но вы наверняка видели его на приёмах. Довольно известный юрист в нашем городе. Разве что не торговый принц. Но все видные джентльмены... и даже дамы, – добавил Бонс, явно намекая на кого-то вроде графини Мур, – хоть раз да пользовались его услугами. Его персона – это ходячая шкатулка с маленькими секретами всего высшего света, и ещё никому не удалось подобрать к ней ключ. Вам обязательно стоит с ним познакомиться. Да вон он сидит.

Бонс указал на стройного джентльмена с сером костюме-тройке на два ряда впереди. Смит был немного моложе

Вильямсона, но гладко выбритое лицо скидывало ему ещё несколько лет. Складки возле носа говорили о частых улыбках. Правда тонкие поджатые губы намекали, что сегодня он отнюдь не весел.

– Мистер Смит, кажется, чем-то расстроен, – заметил Эдельгейт.

– А, наверное, потому, что его ретривер сегодня даже в финал не вышел, хотя дорого ему обошёлся. Через год мистер Смит наверняка снова заменит собаку.

«Это кто тут ещё шкатулка с секретами», – неслышно усмехнулся про Бонса Эдельгейт.

В этот момент толпа радостно зашумела, потому как начались гонки. Эдельгейт ожидал, что на поле выпустят собак и заставят их бежать по прямой. Но из павильонов выкатились колесницы, каждая запряжена шестью-восемью псами и управлялась наездником. Картина была разномастная и странная, так как ограничений по породам не было, и коротконогие бульдоги всерьёз собирались соперничать с высокими длинношёрстными борзыми.

Наездники одеты в яркие костюмы и шляпы, иные натянули на глаза очки-гогглы, словно собирались прокатиться с ветерком. Зрелище столь контрастировало с высокопарной выставкой, что с первого взгляда выдавало свой потешный характер.

Толпа явно им наслаждалась и от души каталась со смеху, когда один из участников проехал мимо трибун на таксах.

Вернее, таксы просто бежали, а наездник как ни в чём не бывало отталкивался ногой от земли, чтобы помочь им тянуть тяжёлую колесницу.

Первыми финишировали хаски, и их хозяин победно помахал зрителям. Гончим не терпелось оставить позади свой груз и резвиться налегке, а потому они то и дело дёргали колесницу то вперёд, то в стороны. Бульдоги же неторопливо и с серьёзным видом только заканчивали второй круг.

Когда улыбчивый судья благодарил «старательных участников», Эдельхейт заметил на трибунах движение и узнал пробирающегося сквозь толпу домоправителя Вильямсона. Тот шепнул хозяину несколько слов, отчего Вильямсон вскочил с места и торопливо направился к выходу, подавляя желание перейти на бег. Его лицо не удалось разглядеть за низко опущенной шляпой, однако Милсворд, Бонс и все остальные с любопытством наблюдали за удаляющимся Вильямсоном. Инес Браун тоже вышла за ним спустя несколько секунд.

Чутьё подсказывало Эдельхейту, что ситуация потребует участия частного детектива.

«Ограбление в Вэст-Эдж!», «Вор проник в особняк мистера Вильямсона!» – детские голоса звонко раздавались со всех улиц. Мальчишки-газетчики стайками летали от одного многолюдного места к другому, продавая горячий тираж.

После небольшой заминки из-за смены редактора, «Вест-

ник Гласстона» всё так же исправно выходил каждый день, словно ничего не произошло. Будто Стонбай был столь незначительной деталью, что машина города проглотила его без всяких последствий. Но Вильямсон по-прежнему являлся одним из главных котлов, от которого подавался пар во все сферы Гласстона. При любых поломках этого котла машина начинала перегреваться.

Вот и сегодня город кипел и пыхтел, обсуждая последние новости. Не надеясь на полицию, Вильямсон тут же вызвал к себе Эдельхейта, но тот явился только спустя день после кражи. Гай ожидал, что услышит недовольный окрик Вильямсона, едва переступит порог, но тот сидел за столом и смотрел в стену. Казалось, он даже не заметил опоздание детектива. Как позже выяснилось, Вильямсон пребывал в таком состоянии со вчерашнего дня, а Эдельхейта вызвала Инес от имени отца.

– Мистер Вильямсон, вы никак заболели? – то ли с вежливостью, то ли с иронией спросил Эдельхейт.

На столе рядом с Вильямсоном стояли бокал вина, стакан воды, и пузырёк с успокоительными каплями.

«Наверняка принесла Инес».

Когда фабричный магнат не ответил, а продолжал смотреть в пустоту, Эдельхейт склонился над ним и позвал снова:

– Мистер Виль...

– Вы верите в призраков? – внезапно спросил Вильямсон, не отрываясь от созерцания невидимой точки на обоях.

– Я? Кхем. Мистер Бонс был бы счастлив услышать это от вас, а я человек практичный. Мой ответ «нет». Но чем обусловлен вопрос?

Вильямсон махнул рукой на распахнутый сейф, который не так давно показывал Эдельхейту. Сейф часто открывали, а потому туда проникла пыль и своими очертаниями выдавала бывшее содержимое.

– Снова вскрытый сейф и даже без взрывов. Хм, пропали несколько пачек банкнот и... полагаю, папка с документами? – беспечно уточнил Эдельхейт, но Вильямсон не ответил. – Дайте угадаю, там был ваш чертёж?

– Это не смешно, сэр! – наконец встрепенулся Вильямсон, но его лицо скорее выражало великий испуг и тревогу, чем гнев. – Чертёж... этот чертёж... это работа всей моей жизни! Верните его, Эдельхейт, верните!

– Если бы чертёж забрали просто заодно с деньгами, вы бы не спросили про призраков. – Эдельхейт сел напротив своего нанимателя и пристально посмотрел ему в глаза. – Мистер Вильямсон... вы что-то знаете.

Это не было вопросом. Разноцветные глаза Гая магически смотрели в метущиеся зрачки Вильямсона. Магнат судорожно нашарил на столе первый попавшийся напиток. К счастью, это оказалась вода с лекарством.

– Вор оставил знак. Подпись, – наконец произнёс Вильямсон после внушительно глотка.

Он указал на клочок бумаги на полу, который Эдельхейт

сначала принял за разбросанные после ограбления бумаги Вильямсона. На клочке вычерчен круг с треугольником внутри, у которого отсутствовало основание. Подобные знаки оставляют мастера на своих изделиях. Например, знак на чертежах Вильямсона очень напоминал этот, и всё же был другим.

Эдельгейт взял из открытого сейфа транспортир. Верхний угол начерченного треугольника составлял точно 30 градусов, а крохотная вмятина в центре указывала, что неоконченную окружность чертили циркулем.

– Ваш вор умеет пользоваться чертёжными инструментами, – пробормотал детектив. – А такие не у каждого взломщика найдутся. Может, это работа его нанимателя? Мистер Вильямсон, чья это подпись?

– Ничья.

– Прошу прощения?

– Много лет назад, – Вильямсон промокнул испарину платком. – я знал одного изобретателя. Вот только всё, что он когда-либо изобрёл, сломалось, разбилось или взорвалось. Дошло до того, что он чуть не обокрал меня. К счастью, я успел всё запатентовать, и ему не досталось ничего. Тогда он решил устроить шумиху в прессе, и снова ничего не вышло. Он был завистлив, хотел отомстить мне.

– У него есть имя?

– Не помню.

– В самом деле? – Эдельгейт недоверчиво глянул на Ви-

льямсона.

– «Боун», «Баум» или как-то так. – Вильямсон вдруг вскочил из-за стола и с взглядом безумца схватил детектива за плечи. – Эдельхейт. Он говорил, что не сдастся. Он обещал, что заберёт всё, что принадлежит мне! Это *его* знак. Но...

– Но он умер, иначе бы вы не заговорили о призраках, – спокойно закончил Эдельхейт. – И умер ещё до вашей известности, иначе весь Гласстон давно бы знал эту историю.

– Да... да.

– Мистер Вильямсон, я прошу вас успокоиться, – Эдельхейт вежливо освободился из хватки и разгладил помятый рукав. – Если ваш, кхем, «призрак» давно в могиле, то он никак не мог украсть ваш чертёж. Однако эта подпись может стать нашей самой весомой уликой. Кто-то пытался ею вас напугать. Скажите, что-то ещё пропало?

– Брачный контракт Инес. Он лежал рядом.

– Зачем вору контракт? Тут были другие бумаги?

– Были. Не столь ценные. Он забрал всё.

– Значит забрал заодно. Видимо, не было времени копаться в бумагах. Его в любой момент мог застать ваш домоправитель. Тогда возвращаемся к вашему «призраку». Кто-нибудь знал про эту давнюю историю с изобретателем?

– Никто, – покачал головой растерянный Вильямсон.

«Вот уж не думал, что когда-нибудь увижу его таким», – вздохнул Эдельхейт, но от растерянного клиента мало проку.

– Вы уверены? Вы сказали, что вор попытался устроить

«шумиху в прессе». К кому он пошёл с этой историей?

Вильямсон вскинул голову, словно что-то понял, и тут же пробормотал:

— К Чарльзу Стонбаю.

* * *

Центральное отделение полиции представляло собой внушительное здание, поделённое на множество крохотных комнат. В приёмной каждый день бродило много людей, и каждый приносил свои просьбы к хранителям правопорядка. Констебль за стойкой с усталым видом регистрировал их все, а затем или приглашал посетителя дальше в глубину участка, или прощался.

На досках повсюду развешаны объявления о розыске с самым разным содержанием. И отовсюду в этом здании слышалось постукивание клавиш печатных машинок, шороха страниц, скрипа карандашей и тихих разговоров, которые для местных бобби давно слились в единый поток рутины.

Эдельгейт пересёк приёмную с хозяйским видом, словно был тут неоднократно. Никто из констеблей его не остановил, а двое даже поприветствовали почтительными кивками. Всё-таки дело о взрыве в День прогресса громкое, и, раскрыв его, Эдельгейт приобрёл определённую репутацию в кругах правопорядка. Ему даже без проблем выдали нужные документы, и Эдельгейт расположился за столом в одном из укромных уголков архива.

Свет едва проникал в помещение из маленького окна под

потолком. В блёклых лучах солнца кружились многочисленные пылинки. Воздух был спёртым и тяжёлым. В середине комнаты стояли массивные столы с множеством ящиков, по виду напоминавших сейфы. Вдоль стен тянулись стеллажи с подписанными коробками перфокарт и книгами. В отличие от рутинно-суетного состояния участка, в архивах всегда стояла тишина, как в библиотеке. Слышалось лишь тихое жужжание настольных светильников.

Эдельгейт выложил перед собой стопку бумаг – дело Стонбая. Когда процесс над газетчиком окончательно будет закрыт, вся эта стопка превратится в компактные перфокарты. А пока люди ещё не научились считывать с них информацию без вводного устройства и на суде предпочитали обычную бумагу.

Взрыв фабрики стал самым громким преступлением, но и без него набралось много сведений о махинациях Стонбая с финансами. Большую часть этого Эдельгейт предоставил полиции сам, но кое-что они нашли сами по отчётам сбежавшего бухгалтера Стонбая. Почти на каждый год приходилось какое-нибудь мелкое или большое мошенничество. Свободным оставался лишь самый первый год, с которого началась эпоха прогресса Гласстона. Двадцать пять лет назад...

Можно уже не спрашивать Вильямсона, какой давней историей грозил ему при аресте Стонбай. Ради последней сенсации тот мог перевернуть её с ног на голову. Вильямсон отлично знал натуру Стонбая, а потому испугался угрозы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.